

Схематизм политико-экономических понятий: эвристический мысленный эксперимент по «Капиталу» Маркса

«Развитое тело легче изучать, чем клеточку тела... При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции». (К. Маркс)

В этом году исполняется 150 лет со времени выхода в свет I тома «Капитала» (1867). Наблюдается парадокс: по мере отдаления от нас этой даты основное содержание написанного Марксом неизбежно должно устаревать, и это — для сохранения ценности Марксова труда — требует порождения исследователей и мыслителей все более и более передового уровня. Между тем если первое, бесспорно, происходит, методично и неуклонно, то второе если и пробивает себе дорогу, то с очень большими затруднениями и задержками. Поколение, способное не то чтобы развивать, но даже воспринимать текст «Капитала», стареет. Современные университетские программы вовсе не помогают молодежи осваивать «классический учебник по классическому капитализму» (В. Леонтьев, П. Самуэльсон). Они даже вредят, создавая неправомерный уклон в сторону мейнстрима с его некритическим анализом оптимальных рынков и гипертрофией философии обмена и потребления за счет философии труда и производства¹. Не будем спорить о том, необратим ли данный процесс или же нет. В любом случае на долю отдельных личностей выпадает дополнительное обязательство. Прежде всего увидеть в тексте I тома «Капитала» (как минимум) предмет исследования, не смиряясь ни с начетничеством, ни с тезисом, будто от Маркса остались не проблемы, а только темы. Несмотря на то, что прошло уже полтора века и экономика, которую описывал Маркс, изменилась до неузнаваемости, есть *системные вещи*, которые, как представляется, важны и сегодня.

Такое понимание тесно связано с вопросом о том, что такое передовой уровень. В нашем понимании это прежде всего выход марксизма за границы интеллектуальной автаркии и, в определенном смысле, возвращение к «подлинному Марксу». Речь идет, во-первых, о сопряжении проблематики «Капитала» с новейшими достижениями других наук. Имеются в виду (дифференциальная) геометрия, математика, физика, биология. Речь идет, во-вторых, о параллельном процессе имманентной рефлексии Марксова наследия со стороны наблюдателя *как если бы* он был внешним — со стороны развития экономической мысли от Аристотеля до Маркса (осмысление роли «Теорий прибавочной стоимости») и от Маркса до наших дней. Естественно, нельзя забывать и о науках общественно-научных (социология), о философии и различных теориях религии. Вот фон, на котором надлежит разворачиваться событиям.

¹ «Капитал» исчезает не только из курсов экономической теории, но и из истории экономических учений. К этому надо добавить общее снижение подготовки молодежи по предметам гуманитарного цикла (прежде всего истории), которое начинается еще в средней школе и затем переносится в вузы.

При такой постановке вопроса мышление современного экономиста инстинктивно будет искать сопряжение идей Маркса с неоклассической теорией, особенно в части концепций общего равновесия. Но оно вряд ли его найдет в приемлемой форме. Несмотря на попытки подобного соединения в 1920-е и начале 1930-х годов (например, в японской школе г. Киото), неоклассическая теория со времен А. Вальда действительно развивалась по большому счету независимо (Т. Негиши). Новейшие тенденции в теории равновесия — рассмотрение экономического взаимодействия большого числа агентов с теоретико-игровой точки зрения — лишь подтверждают данный вывод. Удивительно, но в том, что касается спектра основных экономических концепций, Маркс в целом скорее потерял, чем приобрел. Упорствуя в своих дебатах с П.-Ж. Прудоном, В. Рошером, А. Лориа, младогегельянцами, отчасти с С. де Сисмонди и другими, Маркс, оказывается, проглядел движение протомаржиналистов (труды О. Курно, Ж. Дююви, но особенно своих соотечественников Г.Г. Госсена и И.Г. фон Тюнена). Это движение, исподволь набирая ход, привело между тем к «маржиналистской революции» 1870-х годов, а затем и к оформлению неоклассического направления (economics) в «Принципах» А. Маршалла (1890). А это уже развитый метод частичного равновесия, ставший важной составной частью будущего «основного течения» экономической науки XX века в *теории цены* (mainstream economics).

С другой стороны, собственно политическая экономия после Маркса (Marxian political economy) представляет собой пеструю смесь разных интерпретаций, не сводимых к единому значимому знаменателю. «Общая теория» Дж. М. Кейнса (1936), очертив контуры *макроэкономики* и спровоцировав по существу последующий «неоклассический синтез», удовлетворила многих. Большинство авторов-экономистов стали отказываться от диалектического метода анализа категорий и пошли скорее по пути Канта, нежели Гегеля¹. Также они возвращались от Марксовой теории прибавочной стоимости / ценности к соответствующей теории Д. Рикардо, которая казалась и более когерентной, и более удобной с точки зрения реализации идей формализма и сопутствующего ему позитивизма. Однако этот своеобразный критический марксизм, вершиной которого можно считать труды П. Сраффы, Дж.В. Робинсон и А. Пазинетти, не так сильно повлиял на развитие правоверного ортодоксального марксизма (во крайней мере, институционально). Он смотрел на Маркса прежде всего как на ученого, а не как на революционера и идеолога. В то же время ревизионистские идеи М.И. Туган-Барановского, а также Э. Бернштейна и Р. Гильфердинга к чему-то даже более близкие к Марксу, не выстраивались в целостную систему; и, в конечном счете, они нетривиальным образом упирались в советские реалии марксизма-ленинизма. С ними, как и с О. фон Бем-Баверком, боролись уже не означением, а дружной и зачастую не всегда справедливой критикой.

На другом фланге развития политической экономии мы видим тех, кто так или иначе стремился сохранить диалектические завоевания Маркса. Это были в основном философы, которые благодаря развитому абстрактному мышлению развивали над политико-экономическими проблемами (Д. Лукач, К. Корш, Франкфуртская школа, А. Альтюссер, М. Фуко, у нас В.А. Вазюлин, В.С. Выготский, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, В.С. Библер, Г.С. Батищев, Г.А. Бататурин и другие). Едва ли не самым ценным следует признать разработку

¹ Сразу приходит на ум сильное влияние неокантианства Баденской школы (В. Виндгейба, Г. Риккерт) на познавательную функцию науки в экономико-статистических исследованиях рубежа XIX–XX веков и соответствующее разграничение идиографического и эконографического методов исследования (к примеру, в российской мысли от А.А. Чупрова до Н.Д. Кондратьева). На Западе это М. Дobb, П. Суизи, Р. Мик и другие.

ими проблемы *отчуждения*, что имело, впрочем, и свою оборотную сторону: настойчивый уклон в сторону трудовой теории стоимости / ценности без ретроспективного и перспективного ее анализа. Кроме того, в их трудах мало экономических приложений и, главное, продвинутой истории экономической теории¹. Все-таки двигались они не от экономики, поэтому экономическую теорию заимствовали у Маркса, по большей части без конструктивной критики; со временем это становилось все более и более очевидным. Свою силу в разработке общесистемной методологии эти труды, тем не менее, по-прежнему сохраняют.

Теперь с надеждой обратимся к группе экономистов-диалектиков. Можно, однако, заметить, что их вообще крайне мало (В.П. Шкредов, В.Я. Ельмеев, Л.С. Гребнев, отчасти Я.А. Кронрод). Они являют примеры углубленной разработки ряда проблем Марксовой теории (и нового осмысления метода), но, как можно видеть, далеко уходят и от канонической философии, и от традиционных экономических схем. Поэтому задачей исследователя их творчества выступает, помимо прочего, осуществление корректного перевода их идей на язык мышления большинства гуманитариев. Это затрудняется наличием в их построениях очевидной междисциплинарности, когда экономические проблемы излагаются с помощью языка философии, и наоборот, философские материи подаются на политико-экономическом языке. Сила этих концепций заключается в эвристике, которая необходима в осмыслении «Капитала» Маркса.

Посмотрим на 25 последних прожитых лет. Значительный прогресс в области истории экономической мысли, который наблюдался и наблюдается в последние десятилетия (по крайней мере, на уровне освоения забытых и полузабытых авторов и их трудов), недвусмысленно указывает на направление поисков. Крайне важен временной зазор между публикацией III тома «Капитала» (1894, рус. 1896) и распространением мейнстрима (1930-е годы) как в части концепции общего равновесия Л. Вальраса и В. Парето, так и в части макроэкономики (модель «IS-LM» Дж.Р. Хикса). Именно в это время зарождались экономические идеи, все еще плодотворные, как нам представляется, для осмысления текста «Капитала». Достаточно назвать имена Г.В. Плеханова (по крайней мере, в части истории русской общественной мысли), А.А. Богданова-Малиновского, первого академического марксиста Н.И. Зибера, в период 1920-х годов — Г.А. Фельдмана, отчасти Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского, В.А. Базарова, а также И.И. Рубина. На Западе речь идет прежде всего об исследовательской немецкой группе г. Кляя (А. Лева, Г. Найссер, Ф. Буркхардт, А. Кэлер, отчасти Р. Нурксе и Дж. Маршак), о ряде незаслуженно подзабытых и близких к марксизму теоретиков кризисов и циклов (Н. Можжовска, Х. Гроссман). Большая часть этих имен и концепций еще недостаточно освоена современным отечественным обществоведением².

Между тем жизнь течет по другому руслу. С начала 2000-х годов были предприняты попытки либеральной апологии Маркса, которые, по-моему, только увели от его экономических концепций в туманные дали общих рассуждений

¹ Даже у М. Фуко в «Археологии знания» (1969), ценной в своей методологической части, господствуют традиционные (не выработанные специальным анализом) представления об истории развития экономической мысли.

² В этой связи можно вспомнить, какой резонанс вызвали статьи проф. С.С. Дзарасова, посвященные наследию М. Калецкого (1999). Это, на наш взгляд, правильный путь — неуклонно и методично осваивать мировое наследие, не отказываясь от собственной интеллектуальной истории.

об истории¹. Обширная дискуссия по этому поводу так, похоже, ни к чему и не привела, несмотря на пестроту мнений и аргументов; в том числе несмотря и на выказанный тезис о необходимости творческой ревизии марксизма². Эта ревизия в подготовительной части (домарксовой политической экономии) проводилась и на страницах томов серии «Антология экономической мысли» в издательстве ЭКСМО (2006–2011, 2016), прежде всего в томах, посвященных физиократам, А. Смит и Д. Рикардо. Но самостоятельных рецензий и замечаний на эту работу в печати высказано не было.

Параллельным курсом сегодня наблюдается рост переводной литературы неклассического толка, в которой Маркс, несмотря на признаваемую актуальность некоторых его идей, остается все же в XIX веке³. Здесь Марксу отказывают в праве быть экономистом, перепоручая его наследие области социологии. С другой стороны, на отечественной почве мы сталкиваемся со своеобразным либералом марксизма для нужд учебников и пособий, с которым даже не в чем спорить — до того изложение является дидактическим, а эвристика минимальной⁴. Важность чтения «Капитала» признается, но это признание разбивается и современной системой образования и подготовки научно-исследовательских кадров. Поэтому такое признание не является до конца искренним.

Предыдущее издание I тома «Капитала» в серии (2011) было насыщено историческими коннотациями. В нем дань прошлому была отдана. Была по-счастью воссоздана интеллектуальная биография К. Маркса и его друга Ф. Энгельса, история создания различных вариантов «Капитала» (в списке уделов не хватает, правда, имени проф. Г.Н. Сорвиной, 1934–2007, много сделавшей в этом направлении), публикации его прижизненных изданий, русского перевода. Пунктирно описана интеллектуальная атмосфера распространения идей I тома «Капитала» в западном обществе в XX веке⁵. Недавние упреки редактора альтернативного издания I тома «Капитала» (В.Я. Чеховского) в адрес нашего издания имеют под собой некоторые основания, но едва ли в целом правомерны. Дело в том, что в издании 2015 г. сведена к нулю вся наша работа по интеграции Марксова наследия в общий поток классической экономики (от физиократов и Смита до Рикардо и Дж. С. Милля). Это так, начиная от появившихся снова ссылок на классиков на английском языке и заканчивая отсутствием указателей в томе⁶. Кроме того, игнорируется важность обширного

¹ Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004. № 5–6. Уместно спросить, возможна ли социалистическая апология идей Ф. фон Хайека или Л. фон Мизеса?

² Марксово наследие и современная экономическая наука // Вопросы экономики. 2001. № 1–2.

³ См. например: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015. С. 28–29.

⁴ Апаншин О.И. Экономическая теория К. Маркса // Экономическая теория в историческом развитии. Взгляд из Франции и России / Под ред. А.Г. Худокормова и А. Лапидюса. М., 2017. С. 464 и сл.

⁵ Васина А.А., Афанасьев В.С. «Капитал»: книга, изменившая мир / Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Эксмо, 2011. Т. 1. С. 52 и сл.

⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / Под ред. В.Я. Чеховского. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Приложения, включающего обновленную редакцию «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и другие тексты. Терминология, предложенная Чеховским, весьма спорна. И спорна она не по причине «косности» советских изданий, а исходя из содержательных и системных соображений¹. Российская мысль рубежа XIX–XX веков развивалась в рамках «органического синтеза» трудовой теории стоимости / ценности и теории предельной полезности. В этом контексте перевод «Wert» в смысле «ценности» был естественным для Туган-Барановского (и следовавшего за ним П.Б. Струве), потому что он стремился соединить Маркса и Рикардо с австрийской школой Менгера — Бем-Баверка. Однако уже В.К. Дмитриев не так однозначен, и в одной из рецензий позднего периода ссылается на «малоудовлетворительное издание 1896 года» (III тома) и рекомендует «последний перевод под редакцией А. Богданова»². Дмитриев, как мы знаем, тяготеет к объективистским интерпретациям хозяйственных явлений в духе математиков О. Курно, Л. Вальраса, Р. Ауспица и Р. Либена, Л. Лаунгарда.

Отметим теперь некоторые, на наш взгляд, действительные «точки роста» марксистского наследия сегодня, чтобы отличить их от нашей позиции, излагаемой ниже. Во-первых, это философская линия, восходящая к идее о том, что «Капитал» — это критика экономического разума» (В.М. Межуев). Она выходит на философию культуры, общие проблемы социализма, в контексте которых политико-экономические проблемы имеют большое значение. Она, наконец, восстанавливает важную критическую оппозицию «Маркс — Кант». В той же, философской, плоскости лежит анализ «Капитала» как рефлексивной теории, которая выходит за рамки оппозиции «субъект-объект», присущей догегелевым (за исключением позднего Фихте) системам мысли³. Здесь продуктивным путем представляются имманентные сравнения экономико-диалектических концепций Маркса и идей христианской религии, прежде всего идеи Богочеловека в контексте эволюции доказательств бытия Бога⁴.

Во-вторых, это линия собственно экономической. Речь идет о переосмыслении роли постоянного капитала в теории стоимости / ценности Маркса (под влиянием эволюционной теории Й. Шумпетера) и вытекающей отсюда новой концепции воспроизводства, основанной на переключающемся режиме⁵. В этой исследовательской программе большую роль играют Марксовы схемы кругооборота капитала — денежного, товарного, производительного. Потенциал анализа таков, что дело не исчерпывается методологией и прояснением терминологии; строится рабочая динамическая модель экономических систем, проводятся расчеты по фактическим данным, производится сравнение с DSGE-моделями

¹ Ряд справедливых замечаний указано в статьях гл. специалиста РГАСПИ, руководителя группы МЕГА Л.А. Васиной. См. например: *Васина Л.А. «Ценность» versus «стоимость» — «за» и «против» // Альтернативы. 2015. № 2. С. 130, 137 и сл.; *её же*. По поводу одной неудачной редакции русского перевода первого тома «Капитала» Карла Маркса // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 120, 123–126.*

² *Дмитриев В.К.* Севрук П. Теория ренты Карла Маркса [Рец. на кн.] // Критическое обозрение. 1908. Вып. IV. С. 57.

³ *Сорвин К.В.* Дилемма логической аподиктичности и креативности сознания // Философские исследования. 1994. № 1. С. 53–69.

⁴ *Сорвин К.В.* Логика самоотрицания отчужденных феноменов: христианство и капитал // Философия и культура. 2010. № 10. С. 49 и сл.; *её же*. Закон тенденции нормы прибыли к понижению: философско-методологический очерк // *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том III / Под ред. П.Н. Ключкина, Л.А. Васиной, при участии Р.Г. Хаиткулова, Д.Е. Шестакова. М.: Эксмо, 2011. С. 1168–1183.

⁵ *Маевский В.И., Малков С.Ю.* Новый взгляд на теорию воспроизводства. М., 2013; *Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.* Новая теория воспроизводства капитала. М., 2016.

мейнстрима. Акцент сделан, однако, все-таки не на I, а на II томе, где содержатся схемы реализации совокупного общественного продукта¹. Такой подход к Марксу (под влиянием советской школы А.И. Ноткина, Я.Б. Кваши и др.) обусловлен, видимо, жесткой специализацией изучения «Капитала» по томам. Процесс «производства машин посредством машин» на машиностроительных заводах — прерогатива II тома.

Еще одним направлением, которое разрабатывается автором в многочисленных статьях, главах монографий и учебных пособиях, является восстановление и развитие исходной интенции Маркса-ученого и Маркса-историка — трактовки человека не как индивида, а как вида, т.е. родового существа, с соответствующими коннотациями. Речь идет о диалектике предметности и изменчивости, которая выводит не только на политико-экономическое обоснование корректности идеи Маркса о трех крупных экономических общественных формациях, но и на понимание жизни (не труда) как субстанции стоимости / ценности².

Однако в любом случае все настойчивее раздаются голоса о необходимости создания современной теории, соответствующей реалиям XXI века³. Какую роль может сыграть в этом процессе «Капитал»?

§ 1. Долговременная эволюция капиталистической системы (постановка проблемы)

Повернем в другом направлении. Будем держать в уме связь аргументации I тома «Капитала» с естественными научными воззрениями. В свое время по этому пути пошел наш замечательный соотечественник С.А. Подолинский (1850–1891), основатель так называемой физической экономии⁴.

В I томе «Капитала» содержится формула превращения денег (D) в капитал (с. 194 и сл.):

$$D - T - D', \quad (1.1)$$

где $D' = D + \Delta D$. Она встречается в I томе «Капитала» только в 4-й главе, но является в прямом смысле системообразующей. Если часть $\Delta D = \Delta D_0$ тратится на потребление, а оставшаяся часть ΔD_1 капитализируется, то на следующем шаге получим до начала производственного процесса $D + \Delta D_1$. Назовем эту величину D_1 . Присоединяя сюда T , которое тоже возрастет в своей массе (пусть это будет T_1), получим выражение:

$$(D + \Delta D_1) - T_1 - (D + \Delta D_1)'. \quad (1.2)$$

¹ *Маевский В.И.* Критические заметки ко второму тому «Капитала» // *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том II / Под ред. П.Н. Ключкина, при участии Л.А. Васиной. М.: Эксмо, 2011. С. 1170 и сл.

² *Гребнев А.С.* Философия экономики (старые истины и новое мышление). М., 1991; *её же*. Суверенитет в экономике. М., 1996; *её же*. От человека в экономике к экономике в человеке? // Вопросы экономики. 2006. № 11. С. 46 и сл.; *её же*. Политическая экономия (то Марксу): реанимация или развитие? // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10. № 2.

³ *Византиря Г.А.* Размышления марксоведа. Пушкино, 2013. С. 18. «И появление таких новых направлений, как теория множеств, синергетика, общая теория систем, общая теория практики, новая наука, которую, отталкиваясь от наследия Маркса и Энгельса, еще предстоит создать, [должна осмыслить]». С. 19.

⁴ *Подолинский С.А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии [1880] // *Физиократы. Избранные экономические произведения*. М.: Эксмо, 2008. С. 1095 и сл. (Серия «Антология экономической мысли».)

Процесс, отраженный в (1.1) и (1.2), может повторяться неопределенно долго, потому что по смыслу это кругооборот, безостановочное круговое движение¹.

Рассмотрим этот процесс как а) замкнутый цикл и б) как самостоятельный предмет². Тогда процесс будет совершаться не только в головах хозяйствующих субъектов, но и объективно (*ideelle*-идеально в смысле Э.В. Ильенкова). Уместно поставить вопрос: во что, в какую форму превращается тогда искомый процесс накопления капитала, его возрастания (*Verwertung*)?³

Ответы Маркса даны в 24-й главе I тома и в III томе «Капитала». В первом случае происходит дифференциация рабочих, превращенных в пролетариев, и капитала вплоть до социально возможного максимума⁴. Во втором происходит *вырождение* формул (1.1) и (1.2) в $D - D'$. Это именно вырождение, а не преобразование, как можно судить из различных высказываний Маркса⁵. Т. Пикетти удачно называет формулу (1.1) «принципом бесконечного накопления». Он делает вывод о том, что результат получается апокалипсический: либо мы наблюдаем тенденцию к снижению уровня доходности капитала вследствие конкуренции (что уничтожает сам механизм накопления), либо неограниченно возрастает доля капитала в национальном доходе (что довольно быстро приводит к тому, что трудящиеся начинают объединяться и бунтовать). «В обоих случаях какое-либо социально-экономическое и политическое равновесие невозможно. Это мрачное будущее не наступило⁶. Получается, что прямолинейная экстраполяция тенденций, заложенных в (1.1), ничего не дает: получающиеся формы нежизнеспособны. Процесс в (1.1) трактуется здесь как своего рода луч, устремленный под определенным углом бесконечно вверх в некоторой системе Декартовых координат.

Видный экономист М.А. Хазин, вслед за А. Смитом полагает, что если «есть замкнутая экономическая система (то есть не связанная с внешним миром), то

¹ «При купле ради продажи начало и конец представляют собой одно и то же, а именно деньги, меновую стоимость, и уже вследствие этого данное движение бесконечно» (с. 197).

² Важный шаг «в философском понимании предметности состоит в рассмотрении цикла изменений как самостоятельного предмета». См.: Гребнев А.С. Философия экономики (старые истины и новое мышление). М., 1991. С. 32. Речь идет об *онтологическом* взгляде на проблему.

³ В случае перевода термина «*Verwertung*» как «реализации» (В.Я. Чеховский) и стремления растворить его в «*Gebrauchswert*» (потребительной ценности) теряется смысл динамики накопления капитала во времени как градиентного потока (см. ниже).

⁴ «...На одном полюсе выступают условия труда как капитал, а на другом полюсе — люди, не имеющие для продажи ничего, кроме своей собственной рабочей силы» (с. 718). «...Когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретают новую форму» (с. 740).

⁵ $D - D'$ — одна из форм капитала: капитал, приносящий проценты. «В капитале, приносящем проценты, представление капитала-фетиша завершено...» (III том, с. 418, также с. 410–413). «Создавать стоимость, приносить проценты является их [денег] свойством совершенно так же, как свойством грушевого дерева — приносить груши» (III том, с. 423). См. то же в «Теориях прибавочной стоимости» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. III, с. 482). Это капитал, вывернутый наизнанку, достигший предела своего развития. Иногда он трактуется Марксом в качестве ростовщического и торгового (в противовес производительному) капитала.

⁶ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015. С. 27–28.

уровень разделения труда будет углубляться только до некоторого предела, связанного с размерами этой системы. Или, другими словами, масштаб экономической системы определяет максимальный уровень разделения труда»¹. Речь идет о географическом пределе, т.е. о динамике процесса (1.1) по пространству. Однако ведь ничто не мешает нам говорить о Луне и Марсе как новых полигонах развития разделения труда, и такие проекты уже существуют.

Все ответы, как можно видеть, содержат в себе определенное понимание *максимального* роста предмета типа (1.1) и *бесконечности*. Однако бесконечность здесь — чисто внешняя; это либо *неограниченно большое* количество точек, которое пробегает луч, остающийся в своем движении прямой линией, либо механический *предел*, в который упирается движущееся тело при своем постепенном приближении к нему. Речь же идет о том, чтобы понять, что бесконечность деформирует структуру, именуемую экономическим пространством²; и понять то, каким образом она это делает.

§ 2. Принцип возвратного движения в истории экономической мысли

Прямодлинейное истолкование идей Маркса на российской почве в историческом разрезе приводит нас, по-видимому, к негативному результату. Или признается, что в России вообще не было экономистов, находящихся в общей с Марксом интеллектуальной среде (В.М. Межуев, А.С. Гребнев, с формулой «Мавр возвращается? А он и не приходил»). Или же, наоборот, придется согласиться, что этих экономистов было так много, что Маркс как бы тонет в ортодоксии, и это порождает сегодня отчуждение к идеям и текстам³. Линейная экстраполяция марксистской традиции (исключая, может быть, Н.И. Зибера) исторически приводит к марксизму-ленинизму. В концепции «социализма» В.А. Кроунрода, можно, пожалуй, усмотреть логичный завершающий этап такого развития⁴. Отсюда следует, что остаться в области истории мысли (идей) и при этом избежать неконструктивного прошлого можно, только если найти альтернативный подход к осмыслению наследия Маркса.

Для того чтобы найти нелинейность в истории, ее нужно там увидеть. Интеллектуальная история — это *пространство* идей, в котором перемещение последних в смысле развития или, наоборот, деградации происходит по всевозможным направлениям. Привычное для нас движение «история → современность» или «прошлое → настоящее» является однонаправленным и односторонним, и в силу такой детерминированности не может быть до конца правильным. Оно не может отразить все богатство идейного наследия. Поэтому добавим возвратное или реверсивное движение, которое призвано связывать идеи из совершенно

¹ Хазин М. Предисловие // Иглтон Т. Почему Маркс был прав? М., 2012. С. 15. «Но с точки зрения философской эта идея заложила колоссальную мину под всю идеологию капитализма. Ведь если для развития капитализма нужно расширять рынки, то рано или поздно придется столкнуться с тем, что они станут размером со всю нашу планету. И что тогда? Тогда капитализм как система развития должен прекратить свое существование...» (с. 16).

² В рамках мир-системного анализа это пространство рассматривается уже как геоэкономическое и дифференцируется внутри себя.

³ «И не марксист!» — воскликнул он в горячности, увидев соответствующую тенденцию.

⁴ «В опыте истории XX столетия человечество выстрадало социализм» (Кроунрод Я.А. Факты социально-экономического развития XX века М.: Наука, 1992. С. 222).

разных времен в единое целое¹. Суть принципа заключается в том, что мыслительное движение в истории рассматривается как состоящее из трех моментов.

Первый момент фиксирует контекст и среду, в которой функционирует ученый; они служат для него источником постановки проблемы. Здесь многое зависит от образования и от умения уловить «дух эпохи». *Второй момент* реализует собственно возвратное движение для поиска предшественников в решении проблемы, союзников по методологии и общим мировоззренческим установкам. Оно заранее не задано и может быть самым разным². В нем заключена эвристическая сила принципа в целом. Наконец, *третий момент* — решение искомой проблемы — означает движение вперед, т.е. развитие традиции, в которой работает ученый. Важно отметить необходимость связи всех трех элементов; если таковой не наблюдается, особенно между 2 и 3 элементом, то речь идет скорее всего не об интеллектуальной традиции, а о чем-то ином³.

Теперь взглянем на движение, реализующее себя подобным тройным образом (или круг, замыкающийся на себя), с позиций стандартного линейного подхода. Последним обычно вооружен наблюдатель, который находится в современности и смотрит на процесс исторического движения по логике маршрута «назад — вперед»⁴. Тогда получающийся в результате круг он будет трактовать как бесплодную, ничего не дающую тавтологию: формально моменты 1 и 3 для него совпадут, момент 2 будет казаться бесцельной тратой времени и сил. Останется некоторый — ввиду достижений современности — смысл только в моменте 3, по той причине, что он имеет форму *позитивного результата*. И силу этого результата в экономике он возлагает на математику, а не на историю.

Однако для логики развития науки важен не только результат, но еще и пройденный путь, т.е. процесс становления. Возвращение назад не есть повторение уже пройденного; это творческий поиск. Успех найти искомое вовсе не гарантирован. Поэтому обратное возвращение, воссоставляющее субъекта-исследователя из как бы заживо погребенного состояния (переход от момента 2 к моменту 3) и сопровождается искренней радостью нашедшего решение. Решение служит ученому вознаграждением за творческие усилия, в процессе затраты которых не делалось акцента на утилитарном аспекте исследовательской цели. В этом смысле отрицательное решение важно ничуть не меньше, чем положительное; действительное движение вперед определяется здесь талантом исследователя и его творческими усилиями, готовностью к самопожертвованию.

¹ Клюкин П.Н. Эвристическое значение метода возвратной традиции (на примере творческого наследия Н.Д. Кондратьева) // Наследие Н.Д. Кондратьева и современность. СПб.: Алетей, 2014. С. 206–207. Методически реализуется принцип, которым пользовался еще П. Сраффа в своем возвращении от А. Маршалла к «старым классическим экономистам», начиная с У. Петти, для развития политической экономии в маржиналистскую эпоху.

² Это вопрос об источниках марксизма, но его нужно ставить шире, нежели стандартные указания на политическую экономию, немецкую классическую философию и утопический социализм. Тогда окажутся важными Ч. Дарвин (идея эволюции), Ф.А. Кекуле (теория валентности, структурная формула бензола) и др.

³ Связь моментов 1 и 2 также важна: ее наличие отделяет научное исследование от идеологии. Близкий подход на основе выделения так называемых «тематических традиций» развивается науковедом Дж. Холтоном, у которого, тем не менее, «темы» являются заданными диспозициями. См. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М., 1981. С. 9–11, 19–25. Это сильно нивелирует эвристическую ценность возвратного движения.

⁴ Таким наблюдателем может быть не только обычный человек, но и продвинутый исследователь-экономист, мыслящий экономику как позитивную науку, в которой момент общественного отодвинул на задний план, а все усилия нацелены на «производство моделей» реальности.

Эвристическая сила принципа возвратного движения заключается в том, что связь идей в моментах 1 и 2 является продуктивной, потому что она, помимо деятельности по построению аналогий между, казалось, не связанными друг с другом явлениями, оказывается источником последующего творческого синтеза (момент 3). На примере политической экономии Маркс проделывал эту процедуру в «Теориях прибавочной стоимости», причем и в обратном направлении, от момента 3 к моменту 2. Частично он тем самым «навязывал» предшественникам (Р. Кантильону, Д. Юму, Ф. Кенэ) свои взгляды. Если же к истории подходить наологически, переход момента 1 в момент 2 едва ли будет полноценным.

Повторяя этот процесс вращения в круге 1–2–3, который каждый раз подвигается на шаг вперед, можно приближаться от прошлых времен к современности. Экономисты и их наследие, бывшее до этого разрозненным, фрагментарным и неувязочным, выстраиваются в ряд, образующий галерею образов, традиций, в которой последующий автор перенимает эстафету у предыдущего. При таком подходе, как представляется, рушится непреодолимый барьер, когда в познании прошлое отделяется от современного настоящего, и исторические вычисления лишаются конструктивно-теоретической стороны.

Двигаясь от «Капитала» Маркса назад (идеи Ф. Кенэ) и вперед по времени, а также имея в фокусе внимания проблематику кругооборота, мы в результате обширного исследования приходим к другой линии развития, связанной с политической экономией. Начало ее было явным образом положено исследованиями В.И. Ворткевича¹. Дело, однако, не в процедуре «трансформации стоимостей в деньги», с которой связывается его имя, а с тем, что Ворткевич оказывается видным и в то же время промежуточным звеном в длинной цепи исследований.

§ 3. Российская традиция экономического анализа кругооборота (конец XIX — первая треть XX в.)

Отмечалось, что «в России Маркс с его учением, будучи порождением другой культуры, так и остался чужеродным явлением»². Применительно к экономике это не совсем так. В России на рубеже XIX–XX вв. существовали первоклассные экономисты, а сама российская экономическая наука выходила на передовые рубежи анализа. В трудах целой плеяды ее представителей наблюдается своего рода необъективирующий подход к осмыслению «Капитала». Некоторые авторы (М.И. Туган-Барановский, В.И. Ворткевич, Г.А. Харазов, а также Н. Бернштейн и Л.В. Курской, отчасти С.Л. Франк) стремились довести аргументацию Маркса до логического завершения, не будучи непосредственно марксистами. Этой задачей в начале XX века занимался даже Е.Е. Слуцкий («Мюнхенские письма» 1902–1905 гг.), имя которого едва ли когда-нибудь могло быть найдено в перечне имен экономистов-марксоведов³. Причины две: отсутствие печатных работ на тему и (или) их критика со стороны авторитетных деятелей марксизма (К. Каутского, О. Бауэра). Другие экономисты могли вообще отказываться от трудовой теории стоимости / ценности и переходить на рельсы

¹ Прежде при рассмотрении «большого противоречия» между I и III томами «Капитала» рассматривалась в основном только качественная (не количественная) его версия, выдвигавшаяся в трудах О. фон Бем-Баверка.

² Мещуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М., 2007. С. 7.

³ Имя есть в виду компендиумы, содержащие перечни имен, имеющих отношение к марксизму (до середины 1980-х гг. не было там и Харазова).

теории полезности (В.Ф. Залесский, Р.М. Орженцкий, А.Д. Билимович, революционер В.С. Войтинский). Или же, неудовлетворенные имеющимся вариантом «синтеза» классики и маржинализма в исполнении Туган-Барановского, они возвращались к новому прочтению домарксовской экономики А. Смита и Д. Рикардо (В.К. Дмитриев, впоследствии В. Леонтьев). Но в любом случае «Капитал» и бурное распространение марксизма в России в 1890-е годы служили важным фактором выбора траектории научного поиска.

Разрозненные мысли и фрагменты произведений, черновиков, архивных материалов, как водится в России, особенно важно и нужно привести в систему. Связующей идеей и предметом исследований отечественных экономистов, как было показано специальным анализом (на основе § 2), является проблематика хозяйственного кругооборота¹. Это позволяет выстроить ряд следующих друг за другом теоретиков, или базисный ряд: М.И. Туган-Барановский — В.К. Дмитриев — Н.Н. Шапошников — В.И. Борткевич — Г.А. Харазов — Е.Е. Слуцкий (до 1917 года). И далее, в 1920-е годы почти параллельным курсом: 1) «ранний» В. Леонтьев (до 1929 года), воспитанный на Балансе Союза ССР П.И. Попова — Л.Н. Литошенко²; 2) Е.Е. Слуцкий как статистик и латентный экономист, с его мощной критикой теории ценности Бем-Баверка и незавершенным проектом по созданию праксеологии (1926); 3) Н.Д. Кондратьев, включая Бутырский и Суздальский периоды (до 1935).

Эти работы периода 1890-1935 гг. содержат элементы, необходимые для формулировки новой точки зрения. Российская традиция тематически задается как традиция исследования проблем хозяйственного кругооборота. Она имеет два зеркала, через призму которых высвечивается и отражается наиболее ярко: в период «до» (зеркало 1) это классическая политическая экономия, с акцентом прежде всего на трудах У. Петти, Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо и К. Маркса, в период «после» (зеркало 2) — П. Сраффа и его концепция «производства товаров посредством товаров» (1960). Характеристика *зеркала 1*: российские экономисты с разной степенью успеха осуществляли возвратное движение в отношении «Капитала» и тем самым рефлектировали его содержание. Туган-Барановский и Харазов возвращались к Кенэ, Дмитриев, Шапошников и Борткевич возвращались к Смигу и Рикардо, Слуцкий — к Петти и, в статистическом плане, к С.-Д. Пуассону. Характеристика *зеркала 2*: возвратное движение от Сраффы к отечественной традиции кругооборота, которое осуществляли уже мы, чтобы уйти от западной традиции с ее подстройкой предшественников под Сраффу по линии «зерновой модели» (Рикардо — Дмитриев — Борткевич — Сраффа).

§ 4. Дальнейшая конкретизация идеи кругооборота экономической системы

Концепция хозяйственного кругооборота (фр. la circulation économique, нем. die Kreislauftheorie, англ. circular flow theory, итал. la dottrina del flusso circolare) зародилась в трудах Ф. Кенэ и школы физиократов. За два века своего существования она получила развитие не только в построениях К. Маркса

¹ Клюкин П.Н. Элементы теории хозяйственного кругооборота в трудах российских экономистов-математиков конца XIX — первой трети XX века. М., 2010.

² Ранняя попытка построения Баланса производства и потребления принадлежит В.Г. Громану (1923), но знакомство Леонтьева с ним не установлено. В то же время творческий путь Леонтьева является идеальным примером реализации принципа возвратного движения (§ 2).

(в том «Капитала»), но и Й. Шумпетера, и В. Леонтьева¹. В отличие от Маркса, в концепции которого предметом был кругооборот метаморфозов (форм капитала², в произведениях остальных авторов рассматривался кругооборот товаров. Делалось предположение о том, что капитал в качестве результата производственной деятельности есть товар, а товар, в свою очередь, есть капитал как ресурс для возобновления нового цикла воспроизводства³. Так или иначе, но главным моментом для теоретиков была забота о *непрерывности* кругооборота как хозяйственного процесса. Это можно наблюдать на примере графических изображений «Tableau йconomique» образца 1766 г. («арифметическая формула» Кенэ), а также графовых представлений ранней стадии развития метода затраты — выпуска⁴. Это же видно и на примере систем линейных уравнений, задающих структуру ценовых соотношений для сохранения жизнеспособности и самозамещения» (self-replacement) экономики в целом⁵.

Назовем эту непрерывность *горизонтальной*, чтобы отличить ее от представления другого вида, о котором речь впереди (§ 5). В соответствующих идеях рассчитывались количества (как у Кенэ), а впоследствии (как у Леонтьева и Сраффы) и относительные цены производимых в отраслях товаров для сохранения межотраслевых пропорций и беспрепятственного продолжения *кругового движения*. Однако важно отметить: сами вовлеченные в это круговое движение субъекты (классы, группы людей с одинаковыми интересами) были одного порядка в смысле *равенства экономической силы*. Один субъект был так же необходим в схеме кругооборота, как и другой; исключение одного из них не и не полностью нарушало всю схему, то решительным образом искажало всю картину. В схеме отсутствовало *доминирование* одного элемента над другим (отношение власти). Элементы так же можно было переставлять без ущерба для функционирования схемы в целом, они были инвариантны относительно занимаемого ими места. Можно сказать, поэтому, что элементы схемы обладали свойством *симметричности*. В специальных терминах формальной теории это означало «аксиомой кругооборота» (the circular-flow axiom): суммарная ценность, поступающая в элемент схемы по входным каналам (потокам), должна совпадать с суммарной ценностью, вытекающей из него по выходным каналам⁶.

Как уже отмечалось, классические схемы кругооборота носили принципиально *товарный* характер, потому что главными действующими лицами в

¹ Существовала и так называемая «Тюбингенская традиция кругооборота» (H. Peter, F. Föllmer, K. Föhl, W. Stützel, H. Reichardt, E. Helmstädter, A.E. Ott), имевшая популярность в 1940-е и 1950-е годы. По существу, она была немецкоязычной рецепцией марксовской экономики Дж.М. Кейнса. См.: Peter H. Zur Geschichte, Theorie und Anwendung der Kreislaufbetrachtung // Swiss Journal of Economics and Statistics. 1953. Vol. 89. Issue 1. P. 5, 16. Issue 2. P. 160, 170. Мы следуем более строгой точке зрения (§ 3).

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том II. М.: Эксмо, 2011. С. 75 и сл.

³ В основе такого представления лежит «зерновая модель» (corn-model): если некий товар X (зерно) выступает одновременно и результатом ($X + \Delta X$) и ресурсом (X), то норма прибыли (r) в таком производстве определяется без обращения к стандарту ценности: $r = \frac{\Delta X}{X}$. В сельском хозяйстве авансированный капитал (X) играл роль заработной платы наемных рабочих.

⁴ Леонтьев В. Хозяйство как кругооборот [1928] // Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С. 945–946. См. также: Харати Ф. Теория графов. 1-е изд. М., 2003. С. 259, 265.

⁵ Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. М., 1999. С. 34, 36, 41–42.

⁶ Nursinger H.G. Circular flow // Marxism, Communism and Western Society / C.D. Kernig (ed.). Vol. 1. Absolutism — Civil War. N.Y.: Herder, 1972. P. 429.

них — в соответствии со стоимостной точкой зрения — были товары. Эта характеристика присуща едва ли не всем классическим схемам. Деньги также имели товарную природу или же играли вспомогательную роль стандарта стоимости / ценности, нормирующего масштаб относительных цен (этот подход сохранился даже в системе Л. Вальраса). Но в любом случае потенциал денег в схемах был задействован не полностью.

Таким образом, *горизонтальная непрерывность* традиционных схем кругооборота и следующие за ней свойства *симметричности* субъектов и их *ориентированности на товары* (в ущерб вниманию к D) — это то, что мы имеем при ознакомлении с трудами большинства классических авторов и тех, кто, верный традиции, следовал за ними.

Такое представление кругооборота по мере развития неоклассической теории выродилось, по существу, в простую иллюстрацию. В любом серьезном учебнике по макроэкономике можно найти диаграмму, иллюстрирующую круговой процесс¹. Это представление, однако, контрастирует с мнением ряда крупных экономистов, отмечавших трудность и вместе с тем важность проблематики кругооборота в экономической науке². Они говорили о кругообороте не как об иллюстрации процесса, а как о соответствующем *методе исследования* современных политико-экономических проблем.

Особенности схем кругооборота Маркса. В отличие от других теоретиков у Маркса схемы кругооборота имели ряд отличий и преимуществ. Во-первых, схемы носили не только товарный характер. Маркс рассматривал движение капитала — денежного (D) и производительного (P)³, хотя в схемах воспроизводства и реализации общественного продукта D опять-таки отходило на второй план⁴. Тем не менее общая структура исследования (цикла):

$$D - T \dots P \dots T' - D' \quad (4.1)$$

оставалась, и это принципиально важно. Маркс был, по-видимому, единственным из классических экономистов, кто уделял значительное внимание D , и именно потому, что рассматривал капитал и формы движения капитала, а не просто товар (T).

Во-вторых, Марксовы схемы не имели уже ярко выраженного свойства горизонтальной непрерывности. В них — в рамках II тома «Капитала» — присутствует различие кругооборотов индивидуального капитала и кругооборотов общественного капитала, что, по мысли современных исследователей, указывает на иерархичность кругооборотов в теории Маркса⁵. Тем не менее этот вопрос остается спорным. Данная точка зрения уже принадлежит, скорее, новейшим исследованиям в области т.н. переключающегося режима воспроизводства.

¹ См. например: Мэнкью Г. Макроэкономика / Пер. с англ. М.: МГУ, 1994. С. 59–60, 95, 137.

² Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3-х т. / Под ред. В.С. Автономова. СПб., 2004. Т. I. С. 311; Т. II. С. 743; Т. III. С. 1314; Patinkin D. Frank Knight as Teacher // American Economic Review. 1973. Vol. 63. No. 5. Dec. P. 791. Есть также свидетельства Р. Фриша и др.

³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. II. М.: Эксмо, 2011. С. 112 и сл., 151 и сл.

⁴ Там же. С. 466 и сл.

⁵ Маевский В.И., Малков С.Ю. Новый взгляд на теорию воспроизводства. М., 2013. С. 63, 92, 105, 213.

В Марксовых же текстах идея иерархичности если и содержится, то имплицитно. Необходимо серьезные дополнительные исследования, чтобы, в частности, выдвинуть в теории воспроизводства *ступени производства* и показать наличие кругооборота во временном разрезе¹.

В третьих, свойство симметричности в Марксовых схемах так же по большому счету не должно было выполняться, потому что Маркс изначально (еще в «экономическо-философских рукописях 1844 года») был нацелен именно на анализ асимметричности отношений рабочего и капиталиста². Однако в схемах воспроизводства и реализации совокупного общественного капитала эта асимметрия была, по существу, нивелирована. Она была сведена к асимметрии I и II подразделений общественного производства и, соответственно, к доминантной роли I подразделения. Положительные моменты такого шага заключались в том, что а) рассматривался постоянный капитал c , которого (вкладывая приверженности «догме Смита») не было у других авторов, и б) был проведен двухуровневый анализ «стоимость — цена производства», благодаря чему рассчитывались не требуемые количества товаров, а стоимостные объемы и их межотраслевые пропорции.

Тем не менее форма, в которой у Маркса были представлены схемы кругооборота³, не проясненные до конца соотношения понятий «кругооборот» и «воспроизводство», отсутствие эксплицированной техники анализа кругового процесса, наконец, свидетельства большого числа позднейших экономистов в пользу большого потенциала схем, но в то же время и их промежуточного характера, — все это заставляет выделять в теоретической системе Маркса одни элементы и игнорировать или оставлять на заднем плане другие⁴. Потенциал Марксовой теории мы видим поэтому не в развитии собственно схем (эта работа уже так или иначе проделана), а в исследовании формулы роста капитализма как институциональной структуры $D - T - D'$ (§ 1). В этом циклическом представлении, заметим: а) нет симметрии, б) «зашита» не только природа товара, но и природа денег, в) допускается и макроэкономический, и микроэкономический аспект рассмотрения экономики, т.е. в известном смысле такое представление инвариантно обоим этим аспектам.

Кругооборот в представлении российских экономистов. Свойство *ориентированности на товары* сохранялось в принципе у всех российских дореволюционных экономистов, кроме Туган-Барановского. Однако и он сводил все

¹ Бернштейн Н. Теория рынков Карла Маркса и М.И. Туган-Барановского [1911] // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. II. М.: Эксмо, 2011. С. 711; Леонтьев В. Хозяйство как кругооборот. С. 946; Ключкин П.Н. Кругооборот общественного продукта в русскоязычной «традиции Туган-Барановского»: Н.И. Бернштейн и Л.В. Курция // Финансы и Бизнес. 2009. № 4. С. 203.

² Заработная плата определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает непременно капиталист. Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста» (Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. М.: Эксмо, 2011. С. 792).

³ Арифметическая форма теории реализации в 3-м отделе II тома «Капитала» мирно уживается с циклическими конструкциями кругооборота метаморфоз капитала в I-м отделе. Тот факт, что к Марксовым формальным конструкциям, пусть на первый взгляд довольно простым, следует относиться серьезно, хорошо показан в том числе и математиками — Маркс мог опережать свое время. См. Глибенко В. Понятие дифференциала у Маркса и Адамара // Под знаменем марксизма. 1934. № 5. С. 85.

⁴ Самуэльсон П. Хозяйство как кругооборот: предисловие [1991] // Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С. 991.

построение так или иначе к схеме Маркса¹. Тем не менее уже у Г.А. Харазова имелась основополагающая мысль о том, чтобы рассматривать — при анализе капиталов — не отдельный товар, а группу товаров (*Zusammensetzungen*) или составной товар².

Свойство *горизонтальной непрерывности* также было нарушено в поступательном течении традиции, и нарушено как минимум дважды. Сначала — неявным образом — первым русским экономистом-математиком В.К. Дмитриевым, который в процессе математической интерпретации трудовой теории стоимости / ценности Д. Рикардо исследовал процесс производства машин посредством машин³. Для этого ему понадобилось спуститься в глубины производственного процесса. Но явным образом данное свойство было оспорено Харазовым, который строил свою систему на основе генеалогии производственных систем, т.е. исследовал (во времени) производственный ряд вида «товар — капитал 1 — капитал 2 — ... — капитал высокого порядка n — ...», т.е. $X \sim X' \sim X'' \sim X''' \sim \dots \sim X^* \sim$ ⁴. Этот ряд обладал «замечательным свойством»: каждый входящий в него элемент являлся товаром для следующего за ним и в то же время капиталом для предшествующего ему (например X' — продукт для X'' и капитал для X).

И Дмитриев, и Харазов имели дело, по существу, с *иерархической* производственной структурой. Она замыкалась снизу и в своем *основании* имела любопытные феномены — «машину M , способную к репродукции» (у Дмитриева) и «пракапитал» (*die Urkapital*), некий первоначальный капитал, структура которого однородна и допускает равенство стоимостей и цен (в Марксовом понимании)⁵. Это были элементы, способные к самовоспроизводству; и потому они указывали на появление нового типа структуры, описывающей производственный процесс⁶.

Свойство *симметричности* ставилось под сомнение Слуцким в середине 1920-х годов (в зрелый период творчества). При реализации проекта по созданию основ праксеологии он вел речь о необратимых процессах, неподконтрольных традиционной (детерминированной) теории вероятностей. Одним из таких процессов были ожидания субъектов, а также операция власти⁷.

Кроме того, симметричность собственно схем кругооборота была неявным образом нарушена Шапошниковым при попытке создать новую схему кру-

¹ Речь идет о его теории рынка, развитой в «Периодических промышленных кризисах» (1894) на основе соединения схем реализации II тома и теории кризисов III тома. В разработанной впоследствии конъюнктурной теории денег (1917) тема хозяйственного кругооборота уже не затрагивалась. Тем не менее отмечалось, что «...ценность денег управляется существенно иными факторами, чем ценность товаров... теория ценности денег не может быть получена путем дедукции из общей теории ценности товаров» (*Туган-Барановский М.И.* Бумажные деньги и металл // *Экономические очерки / Сост. Г.Н. Сорвина. М., 1998. С. 312*). Иными словами, D и T подлежали разведению по разные стороны.

² *Scharasoff G. von.* Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik. В., 1910. S. 73.

³ *Дмитриев В.К.* Экономические очерки. М., 2001. С. 84–85.

⁴ *Scharasoff G. von.* Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik. S. 120.

⁵ *Scharasoff G. von.* Ibid. S. 111–112.

⁶ Кроме того, на всеобщем свойстве причинности, отсылающем к вертикально-ориентированной структуре организации общества, настаивал Н.Д. Кондратьев в своей «Бутырской рукописи» 1930–1931 гг.

⁷ *Слуцкий Е.Е.* Экономические и статистические произведения. Избранное. М.: Эксмо, 2010. С. 559–560, 562, 557.

гооборота, которая, с одной стороны, не сводилась бы к «Таблице» Кенэ — Маркса, а с другой — не была бы схемой «окольных методов производства» австрийской школы¹.

Выявленные достижения ряда наших экономистов (§ 3) желательны совместить с интерпретацией традиции кругооборота в духе магистральной линии «Кенэ — Сраффа» (§ 4). Что удивительно, Маркс пока не включается в эту традицию! Результат заключается в том, что прогресс по линии обобщения круговой схемы «производство товаров посредством товаров» был доведен до своего предела (Н. Сраффа). Важнейшие этапы этого обобщения: «Таблица» Кенэ образца 1766 г. — «зерновая модель» Рикардо (1815) — первый очерк Дмитриева (1898) — мыслительный путь Сраффы (1922–1960), повторивший в миниатюре путь Маркса в рамках создания «Теорий прибавочной стоимости». Мы знаем, что изначальным стремлением Сраффы было «переформулировать Маркса в современных терминах, путем замены его метафизики и терминологии гегелевского типа нашей собственной современной метафизикой и терминологией»². Апробация происходила во время дискуссии «двух Кембриджей» по проблеме занятости и переключения технологий и в конце 1960-х годов выявила правоту британского Кембриджа. Однако после этого прогресс в теории замедлился.

§ 5. Новая базовая схема кругооборота

Схема Сраффы как вершина «снимается» (в гегелевском смысле) возвратным движением к «старым отечественным экономистам» (§ 3). На основе обобщения их концепций сформируем следующую структуру связи элементов производственного процесса³:

$$\begin{aligned} X_0 - X_1 - X_0 & \quad (1) \\ X_1 - X_2 - X_1 & \quad (2) \\ X_2 - X_3 - X_2 & \quad (3) \\ \dots\dots\dots & \\ X_{n-1} - X_n - X_{n-1} & \quad (n) \\ X_n - X_{n+1} & \quad (n+1) \end{aligned} \quad (5.1)$$

Представление (5.1) реализует принцип полной причинности, или *вертикальную непрерывность*. Оно получается следующим образом. Представим себе циркулирующую цепь вида:

¹ *Шапошников Н.Н.* Теория ценности и распределения. Критическое исследование о развитии течений в экономической теории М., 1912. С. 53–68.

² Архив Сраффы: D3/12/4; а5.5, ноябрь 1927. «...Есть опасность закончить [теорию], как Маркс, который опубликовал «Капитал», но не закончил «Теории прибавочной стоимости». Что еще хуже, он не сумел в понятийном отношении замкнуть теорию на себя без помощи истории как средства объяснения. Моя цель: представить историю, которая есть действительно вещь, относящаяся к сущности, в настоящем» (D3/12/11: 35).

³ Так X_i , $i \in [0; n \rightarrow \infty]$, — любой объект, например товар, производимый человеком (хозяйственное благо). Левый столбец образуют исходные состояния товаров, подлежащих обработке («затраты»), правый — их целевые состояния («выпуски»). В центре располагаются товары, выступающие в качестве *средств*, с помощью которых исходные состояния левого столбца преобразуются в целевые состояния правого столбца. Логически процесс преобразования и связи всех трех состояний товаров представлен оператором $1 - \tau$. Предполагается, что товары производятся в «чистых отраслях».

$$\begin{aligned}
X_0 - X_1 - X_0 & \quad (1) \\
X_1 - X_2 - X_1 & \quad (2) \\
X_2 - X_3 - X_2 & \quad (3) \\
\dots\dots\dots & \\
X_{n-1} - X_n - X_{n-1} & \quad (n) \\
X_n - X_{n+1} - X_n & \quad (n+1)
\end{aligned}
\tag{5.2}$$

Обратим внимание на последнюю $(n+1)$ -строку. Если элемент X_{n+1} будет требовать своего воспроизведения, то появится элемент X_{n+2} и, соответственно, следующая $(n+2)$ -строка. Тогда движение по цепи будет продолжено, пока (во избежание «дурной бесконечности») не найдется какой-нибудь другой элемент X_{n+k} , который будет удовлетворять двум следующим основным вариантам.

Первый вариант: элемент $X_{n+k} \equiv X_0$, и тогда цепь замыкается в цикл¹. В этом случае $(X_0 - X_{n+k})$ — маршрут таков, что процесс «производства товаров посредством товаров» не кажется реалистичным. Допустим, что X_0 — труд, который является *ultima ratio* производства товаров; тогда X_1 в (1)-строке — предметы средств существования рабочих. Как получить из них производственный капитал и при этом снова редуцировать последний к труду, учитывая длину маршрута? Нужно тогда предполагать в (5.2) две схемы — одна будет действовать до производства первого производственного капитала (в чем тогда его отличие от других элементов схемы?), другая будет символизировать процесс редукации капитала к труду. Однако наличие двух разных схем в одной — это уже, по-видимому, свидетельство внутренних противоречий (нарушение принципа «бритвы Оккама»). Тем не менее, когда маршрут от нуля до n достаточно короткий, схема вполне может быть жизнеспособной, хотя и нарушает *условие монотонности*.

Второй вариант: элемент $X_{n+k} \equiv 0$, т.е. его попросту нет; тогда в $(n+1)$ -строке производства исчезает посредствующее звено между началом процесса и его концом, и мы получаем $X_n - X_n$ (5.1). Этот элемент X_n выполняет двойную функцию: он воспроизводит сам себя, не требуя внешнего материала (средства X_{n+i}), и в то же время его воспроизведение как процесс *замыкает* всю схему (5.2) и приводит ее к каноническому виду (5.1). Количество строк можно произвольно увеличивать, тем самым как бы «выращивая» производственную структуру.

§ 6. Особенности новой схемы: процедура замыкания, топика составляющих элементов

А. Схема (5.1) представляет собой своеобразную диалектику целей и средств. Она является обобщением «Зигзага» Кенэ (1758-1759), первого варианта «Tableau économique», придуманного Кенэ до «арифметической формулы» 1766 г., когда он еще не был обязан писать «для публики».

Во-первых, схема Кенэ состояла из чисел (tableau), в (5.1) же стоят X_i , под которыми можно разумеать формально любой товар, связанный соотношениями целей и средств.

¹ Офе О. Теория графов. М.: Наука, 1980. С. 198-199; Харари Ф. Теория графов. 2-е изд. М., 2003. С. 26.

Во-вторых, механизм связи трех столбцов — в интерпретации Кенэ «классический» — заменен на общий троичный (идущий от Гегеля) принцип производственной деятельности «ресурс — средство — продукт»¹. Здесь продукт есть то же, что и ресурс, но с приращением ΔX_i , символизирующим «излишек» (surplus), на изучении которого была основана вся классическая школа политической экономии. Таким образом, если двигаться по строке, сохраняется классическая идея «чистой отрасли», положенная в основу метода «затраты — выпуск» В. Леонтьева или же круговой схемы «производства товаров посредством товаров» П. Сраффы.

Наконец, в-третьих: ряд средств $(X_1, X_2, \dots, X_{n-1})$, т.е. средний столбец в (5.1), *монотонно сходился* у Кенэ к пределу при помощи убывающей геометрической прогрессии со знаменателем $1/2$: $600 - 300 - 150 - 75 \dots$. Иными словами, ряд средств задавался в «Зигзаге» как $(X_1, \frac{1}{2}X_1, \frac{1}{4}X_1, \dots, \frac{1}{2^{n-1}}X_1)$. Собственно, об-

нарушение и реализацию этой процедуры Кенэ считал чудом, «очевидностью», которая говорит сама за себя (см. интерпретацию И. Хишиямы)². В схеме (5.1) она реализована в «снятом виде», так что «бесплодность» как специфика физиократического взгляда на сельское хозяйство и промышленность уходит на задний план.

Средний столбец в (5.1) задает монотонно убывающую последовательность $(X_1, X_2, \dots, X_{n-1})$. А механизм *замыкания*, т.е. сумму геометрической прогрессии, равную у Кенэ первоначально заданной величине распределяемого богатства (600 ливров), берет на себя специальный элемент $X_n - X_n$. Он характеризует отношение X_n к самому себе, или самоотношение, в терминах Кенэ — «очевидность», к которой, как по ступенькам, восходит знание³.

В. Процесс «производства товаров посредством товаров» в рамках (5.1) представляется не так, как в системе Сраффы. Последняя использует идею *важных товаров*, т.е. товаров, необходимых для производства всех других товаров в экономике, включая самих себя⁴. Внешне процесс кругооборота выглядит похожим образом: он замкнут благодаря тому, что каждый товар X_i (кроме X_n) является и *целью* производства в одной из строк, и одновременно *средством* производства — в другой из строк. Однако в терминах (5.1) схема Сраффы может быть представлена так:

$$X_i - \begin{pmatrix} X_0 \\ X_1 \\ X_2 \\ \dots \\ X_{n-1} \end{pmatrix} - X_i, \quad i \in [0; n-1], \tag{6.1}$$

где средний столбец означает совокупность базисных товаров в экономике. Схема (6.1) в отличие от (5.1) есть мультиплицирование одной и той же строки на *заранее* заданную длину $[0 - 1 - 2 \dots - (n-1)]$. В ней поэтому по большому

¹ В своих ранних рукописях Гегель изучал аналогичную структуру «потребность — труд — наслаждение» и др. См.: Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 278-281, 366.

² Немчинов В.С. Экономическая таблица Ф. Кенэ [1965] // Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С. 1010-1013.

³ Кенэ Ф. Очевидность [1756] // Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С. 50, 64-66.

⁴ Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. С. 37-38.

счету нет процедуры замыкания¹. И она статична, т.к. появление новых элементов или, соответственно, исчезновение старых в среднем столбце не предусмотрено анализом внутри модели. Симметрия элементов среднего столбца также наблюдается: их можно переставлять в любом порядке, не нарушая архитектуру схемы.

С. Схема (5.1) реализует новое понимание *бесконечности*, которое не достигалось в § 1. Процесс, генерируемый схемой, не тождествен «дурной бесконечности», как в (5.2). Ряд средств в среднем столбце *монотонно сходится* к пределу X_n , хотя n может быть неограниченно велико. В то же время (5.1) — это и не «для-себя-бытие» в «Логике» Гегеля, потому что элемента X_0 в последней строке нет. Если бы X_0 появилось в n -строке, то этот элемент выполнил бы функцию своеобразного $Я$ системы. Вместо этого схема, неограниченно удлиняясь и растягиваясь, образует *безличное пространство* в духе Спинозы, где строка $X_n - X_n$ выполняет роль *causa sui*. Потом его уже можно будет заполнить эмпирически значимыми элементами.

В результате схему (5.1) можно рассматривать как основу модели народно-хозяйственного кругооборота нового типа. Структура элементов становится не горизонтальной, а вертикальной. Принцип *иерархии* следует из того, что по мере движения к базису $X_n - X_n$ элементы становятся «сильнее» в смысле независимости: они требуют все меньше и меньше других элементов для собственного производства. Базис системы $X_n - X_n$ является ее *основанием*, которое «сильнее» любой из строк, располагающихся выше, по этой же причине. X_n воспроизводит себя само и не требует обращения к иным средствам, кроме себя самого.

§ 7. Переход к эмпирической схеме кругооборота

Подобно тому, как теоретики кругооборота строили сначала общую, а затем эмпирическую схему кругооборота², и подобно тому, как сначала строили общий эскиз теории деятельности, а затем уже искали конкретные приложения ее³, мы также, не ожидая того изначально, следуем по тому же пути.

Применим схему (5.1) к экономике классического капитализма времен Маркса (§ 1). Иными словами, будем мыслить (5.1) в терминах *последовательного формализма*, т.е. рассматривать ее, к примеру, в качестве фундаментальной надындивидуальной структуры хозяйства (нем. «wirtschaftlicher Grundgebilde» Слуцкого). Оттолкнемся в связи с этим от содержащейся в «Капитале» всеобщей формулы движения капитала $D - T - D' (1.1)$.

Содержащиеся в этой формуле элементы D и T , а также *история* их эволюции во взаимоотношении друг с другом являются *приложениями* для того общего теоретического каркаса, который реализован в (5.1) и безразличен к своим частным проявлениям. В этом смысле получающаяся схема кругооборота (на основе обобщенных, но конкретных категорий политической экономии) может быть названа «эмпирической».

¹ Сраффа рассматривал унаследованную от Рикардо теорию распределения и его же проблему «неизменной меры стоимости». Это означает условие существования максимальной нормы прибыли R в системе при обращении в нуль заработной платы ($w = 0$), т.е. когда «рабочие могли бы жить воздухом».

² Леонтьев В. Хозяйство как кругооборот // Физиократы. Избранные экономические произведения. С. 936, 964.

³ Слуцкий Е.Е. Экономические и статистические произведения. Избранное. М., 2010. С. 552–553.

Однако можно отметить еще нечто большее. Процесс совмещения (1.1) и (5.1) обогащается новейшими достижениями в области дифференциальной геометрии. Г.А. Перельман при доказательстве гипотезы Пуанкаре трактовал уравнение потока Риччи как градиентный поток и подробно исследовал его свойства¹. Он получил базовую формулу, названную им «формулой монотонности» (некоторым аналогом ей является 5.1), и на ее основе решил главную проблему сингулярностей, оставшуюся после работ Р. Гамильтона. Если мы назовем каниталистическую систему метрическим пространством, формулу (1.1) будем понимать как направленный (ориентированный) поток генерирования стоимости посредством ее превращения в капитал, а (5.1) будет главной «формулой монотонности», то таким образом формулируется программа исследований.

Что самое интересное, держа в уме логику исследований Перельмана, можно обратить внимание на ряд фактов, ранее оставшихся без особого внимания. Во-первых, пространство, задаваемое (1.1), является метрическим, коль скоро имеет место ряд превращений $D - T - D - T \dots$. Каждый акт метаморфоза есть минимальное действие, которое можно принять за элементарную единицу². Экономика, описываемая такой системой «малых обменов», может не подчиняться принципу эффективности по Парето³. Математик С. Смейл выяснил, что описание рынка по Парето имеет тот недостаток, что рынок как система обменов тогда начисто лишается *памяти* и начиная с некоторого момента (описываемого через количество сделок) не помнит, т.е. не контролирует своих состояний. Это нарушает базовые принципы взаимодействия системы со средой. А раз так, то необходимо развивать альтернативные подходы, в частности экономику малых обменов, где прирост показателей (стоимости, капитала) система в определенном смысле держит под контролем и в этом смысле развивается адекватно.

Во-вторых, наиболее проницательными мыслителями, имевшими дело с «Капиталом» и формулой (1.1), отмечался факт *кривизны* этого пространства. При изучении общества Маркс использовал метафору зеркала, имеющего рефлектирующие свойства⁴. Глубоко раскрыл этот процесс М.К. Мамардашвили в серии своих статей 1960-х годов, в частности, в статье «Анализ сознания в работах Маркса», где он отмечал, что Маркс исследовал саморазвивающееся органическое целое⁵. Имеющиеся в этом пространстве превращенные формы (verwandelte Formen) искривляют его в самых различных вариантах: от вращения до появления особых точек, названных косвенными объектами мысли⁶. Они

¹ Grisha Perelman. The entropy formula for the Ricci flow and its geometric applications // arXiv:math.DG/0211159 (November 2002).

² При создании своей теории кругооборота В. Леонтьев тоже вел речь о минимальном пути воспроизводства товаров. Кроме того, Маркс, говоря о капитале как о куклолке, из которой потом получается бабочка, имел в виду (как выясняется из данных биологии) именно полный цикл превращений, без редукционных звеньев.

³ Смейл С. Глобальный анализ и экономика. I. Оптимум Парето и обобщение теории Марса // Успехи математических наук. 1972. Т. 27. Вып. 3 (165). С. 177–187.

⁴ Это зеркало может иметь различную степень и форму кривизны». См. Гребнев А.С. Философия экономики (старые истины и новое мышление). С. 52.

⁵ Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса [1968] // Формы и содержание мышления. СПб., 2011. С. 217–218.

⁶ Там же. С. 235. О похожих мнимостях, имеющих системный характер и задающих так бы топологию подобного пространства, писал и П. Флоренский. Причем он мыслит пространство с мнимостями восходящими еще к «Божественной комедии» Данте, к которой сегодня обращаются и наиболее продвинутые геометры (проф. М.А. Громов). См.: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии [1922] // М., 1991. С. 61 и др.

имеют фундаментальный характер и от их квазисуществования (Pseudoexistenz у П. Флоренского) нельзя отмахнуться.

В-третьих, ориентироваться в таком пространстве, как капиталистическая система, которая задается через (1.1), следует неклассическим образом. Энтропия данной системы растет. Поэтому при поиске бесконечности нужно иметь в виду *апорию Зенона*, новый смысл которых при обращении к телам сложной структуры как раз и выяснил Перельман (этот факт фигурирует в официальном пресс-релизе Института Клэя). Речь идет о новом понимании предела, которого нельзя достичь за определенное (счетное) число шагов. Для этого нужна бесконечная последовательность, которую можно понять как пошаговую деформацию пространства вплоть до получения типологии пространственных структур со строго определенными свойствами (классификации трехмерных изображений). Любопытно, что в своей критике Марковского закона тенденции средней нормы прибыли к понижению Борткевич, по мысли Сраффы, как раз нарушает этот принцип бесконечного числа шагов применительно к постоянному капиталу¹. На принципе несводимости постоянного капитала к переменному (через критику подхода на основе «догмы Смита») Сраффа, в свою очередь, построил схему, где появляется максимальная норма прибыли R , а Марков закон тенденции реабилитируется.

Кроме того, если на (1.1) смотреть как на структуру «нечто — средство — нечто с приращением (цель)», т.е. в терминах диалектики целей и средств, то средства можно дробить или дифференцировать неопределенно долго. И каждый раз новое средство должно быть средним термином в этом умозаключении. Это означает, что на самое ближайшее средство (T в 1.1) можно рассмотреть как цель, и тогда в промежутке между D и T , т.е. уже в первом метаморфозе $D - T$, нужно будет встроить новое средство, T^* . Если продолжать так неопределенно долго, можно в итоге не увидеть на прямой линии искомое D' . А это и означает, что мы наблюдаем искривление пространства по мере более глубокого проникновения в него.

§ 8. Начало дедукции эмпирической схемы кругооборота

Рассмотрим (5.1) как *процедуру многократного повторения*, которая применена к (1)-строке $X_0 - X_1 - X_0$. Сформулируем задачу следующим образом. Пусть строка $X_0 - X_1 - X_0$ означает воспроизводственный, замкнутый в себе контур, который расширяется или «растет». Тогда имеем: $X_0 - X_1 - X'_0$, где $X'_0 = X_0 + \Delta X_0$. Положим $X_0 = D$, $X_1 = T$, и отвлечемся от содержательной интерпретации остальных строк (5.1). Что произойдет с классической капиталистической системой, которая описывается формулой Маркса $D - T - D'$, через $n \rightarrow \infty$ циклических повторений? Здесь мы возвращаемся к § 1.

Сам Маркс, как известно, имел склонность рассматривать $D - T - D'$ как *кругооборот*, взаимно-разнонаправленную смену двух — денежной и товарной — форм капитала, выраженных в купле ($D - T$) и продаже ($T - D$). Поэтому полный метаморфоз он понимал, в конечном счете, как аналитическую *сумму* этих двух метаморфозов, имеющих *противоположное* направление. В резуль-

¹ См. Клюкин П.Н. Значение теоретического наследия Д. Рикардо: П. Сраффа, российская аналитическая традиция и их синтетическое восприятие // Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. 2-е изд. М.: Эксмо, 2016. С. 64–65.

тите, однако, получается «нейтральный комплекс»¹, который не способен к внутренней организации, а полностью и без остатка раскладывается на свои составные элементы. В нем активности-сопротивления взаимно погашены. Эта нейтральность заложена в самом принципе кругооборота; но ее нужно еще устремить куда-то, ориентировать. Классическая школа мыслила этот процесс через произведение системой «излишка» (surplus). У У Смита этот излишек накапливался, у Рикардо он подлежал распределению между классами. Маркс же в итоге (в III томе «Капитала», гл. 24) пришел к вырожденной формуле капитала, «капитала, полностью вывернутого наизнанку», $D - D'$, и трактовал ее как один из видов капитала наряду с другими. Однако мы не обязаны следовать этой идее.

Преобразуем формулу $D - T - D'$ с помощью двух операций. Первая представит ее через производимый системой «излишек»: $D - [T - T'] - D'$.² Вторая представит ее в терминах приращений $T' - T = \Delta T$: $D - [T \oplus \Delta T] - D'$, где \oplus означает знак суммирования, но не в арифметическом смысле. Элемент ΔT означал у Маркса приращение стоимости за счет увеличения объема «живого» труда, который приводится в движение переменной частью капитала v ; т.е. этот элемент есть мера участия рабочего в производстве. Здесь заложен смысл замены категории «труд» категорией «рабочей силы» как источника возникновения прибавочной стоимости. Действительно, важно и нужно провести границу между «мертвым» и «живым» трудом.

Проблема заключается в том, что Маркс, раскладывая полный метаморфоз $D - T - D'$ на акты $D - T$ и $T - D$, незаметно нивелировал значение «среднего термина» (лат. terminus medius). Он уделил внимание только возвращению к началу: $D \dots D$, потому что кругооборот конституируется самой этой формой кругового движения. Но в этом круговом движении, связующем исходное «нечто» (D) с целью ($D + \Delta D$), у Маркса теряется продуктивная роль среднего термина — *средства*; последнее е, между тем, *самостоятельно* и носит в себе *свободу* как атрибут³. В качестве средства Маркс видел рабочую силу, изнашивание ее и возмещение; теория прибавочной стоимости / ценности жестко связывала стоимость с деятельностью рабочего, в том числе с потреблением им жизненных средств. Но после того как эта связь исторически разрывается, нет уже особых оснований оставлять рабочего в его одностороннем соотношении с предметами потребления; для его создания нужны и средства производства. Это означает, что не только труд рабочего есть товар, но и сам рабочий, во многом, является на тотальном рынке товаром⁴. Рабочий не только продавец рабочей силы, но и тот, которого (чьей потребности) воспроизводят, и воспроизводят с «излишком» ΔX . Почему же сам рабочий в итоге воспроизводится в системе во все меньшем и меньшем объеме? Потому что как *создатель стоимости / ценности* он уже занимает другое *место* в общественной системе.

¹ Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука / Науч. ред. Г.Д. Глозман, М.: Финансы, 2003. С. 69–70.

² Добавление третьего кругооборота или опосредующего движения: $P \dots P$ (где P — производство), ничего в структуре формулы не поменяет. Она будет представима так: $D - [T - [P - P] - T'] - D'$. В ее сердцевине все равно лежит «очевидность», т.е. отношение некоего Z к самому себе, или самоотношение.

³ Именно такой взгляд на природу средства развивал Гегель, причем начиная с самых ранних своих работ. Укажем здесь, прежде всего, на «Иенскую реальную философию» 1805–1806 гг. и «Феноменологию духа» (1807).

⁴ Полати К. Великая трансформация. (Политические и экономические истоки нашего времени.) [1944] СПб.: Алетей, 2002. С. 86–87.

Реализуем эти рассуждения с помощью схемы (5.1). Прилагая, словно исторический фильтр, *процедуру многократного повторения* к Марксовой всеобщей формуле капитала (1.1), получим на качественном уровне анализа (при условии полной капитализации):

$$\begin{aligned}
 A_0 - [T \oplus \Delta T_0] - A_0 + \Delta A_0 & \left[\frac{c_0}{v_0} \right] \\
 A_0 + \Delta A_0 = A_1 - [T \oplus \Delta T_1] - A_1 + \Delta A_1 & \left[\frac{c_1}{v_1} \right] \uparrow \\
 A_0 + \Delta A_0 + \Delta A_1 = A_2 - [T \oplus \Delta T_2] - A_2 + \Delta A_2 & \left[\frac{c_2}{v_2} \right] \uparrow \\
 \dots\dots\dots & \\
 A_0 + \Delta A_0 + \Delta A_1 + \dots + \Delta A_{n-2} = & \left[\frac{c_{n-1}}{v_{n-1}} \right] \uparrow \\
 = A_{n-1} - [T \oplus \Delta T_{n-1}] - A_{n-1} + \Delta A_{n-1} & \\
 A_0 + \Delta A_0 + \Delta A_1 + \dots + \Delta A_{n-2} + \Delta A_{n-1} = & \\
 = A_n - [T \oplus (\Delta T_n \rightarrow 0)] - A_n + (\Delta A_n \rightarrow 0) & \left[\frac{c_n}{v_n \rightarrow 0} \right] \rightarrow \infty
 \end{aligned}
 \tag{8.1}$$

Мы видим, что повторение по схеме (5.1), где ряд средств задан как ряд приращений товарных «излишков» $(\Delta T_0, \Delta T_1, \Delta T_2, \dots, \Delta T_n)$, приводит к следующему процессу *исторической трансформации*:

$$A - T - A' \rightarrow A - A'.
 \tag{8.2}$$

Получается, что в результате *исторического движения* капиталистической системы средний термин T *вытесняется* из всеобщей формулы капитала. Происходит это путем поступенчатого «снятия»: $\Delta T_0 > \Delta T_1 > \Delta T_2 > \dots > \Delta T_n \rightarrow 0$. Этому сходящемуся к пределу ряду вполне соответствует ряд последовательно возрастающих величин органического строения общественного капитала $\frac{c_i}{v_i}$ вплоть до момента, когда «рабочие могли бы жить воздухом» (замечание Маркса). В отличие от трактовки $A - A'$ Марксом наша новая трактовка видит в этом выражении не частный акт сбережения и не формулу одной из разновидностей капитала, а все ту же всеобщую формулу капитала (1.1), только требующую дополнения. Это дополнение связано с тремя последовательными ходами мысли (§ 9–11). Тем самым дедукция будет завершена.

§ 9. Соображения о памяти системы и двухконтурной схеме кругооборота

Первый ход мысли: он связан с пониманием того, что в результате процессов (8.1) и (8.2) T не исчезает совсем, а переходит на более низкий уровень возникающей иерархии, «вытесняется». В частности, творчество Т. Веблена доводит до сознания мысль о том, что трансформация типа (8.2) вытеснила не рабочего из производства, а все товарное производство в целом. Здесь разумно принять во внимание идеи основателя институционализма а) о «дихотомии индустрии и бизнеса», когда индустрия начинает терять лидирующие позиции в процессе

формирования стоимости / ценности, и б) об «абсентеистской собственности», когда товарное производство, оставаясь основанным на труде, уступает место ее господству в качестве новой (фиктивной) формы производительного капитала¹. В этом новом, сформировавшемся после событий 1990-х годов денежном секторе и существует сегодня т.н. максимальная норма прибыли R . Она в любом случае больше промышленной прибыли r . Поэтому должно выполняться:

$$A' = (1 + R)A.
 \tag{9.1}$$

Выражение (9.1) для A выполняет функцию базиса системы. Соответственно, экономическая система вместо одного воспроизводственного контура $A - T - A'$ имеет теперь два. A именно: двухуровневая структура получается естественным путем, потому что T не исчезает, а вытесняется (перескакивает) на новый уровень:

$$\begin{matrix} (T) \\ A - A' \end{matrix}
 \tag{9.2}$$

Эта мысль о вытеснении T и образовании нового контура в стандартной модели крайне нетривиальна. Процесс (1.1) не вырождается, а усложняется вследствие образования новых условий. Важнейшим из них является то, что рынок как сложная система (по современным перспективным трактовкам) обладает памятью². Это происходит потому, что время учитывается в этом пространстве как реальная, а не фиктивная переменная. Иными словами, система имманентным образом ориентирована, она асимметрична и движется в определенном направлении, и не учитывать этого (как, скажем, в Вальрасианской модели общего равновесия) нельзя. Математическое представление экономики с памятью было представлено в виде оператора кривизны, являющегося соответствующей мерой, но экономисты не обратили внимания на эту работу³. Тем не менее, даже переняли физики в своей теории *калибровочных полей*, потому что именно последние лежат в основе нашего понимания всех взаимодействий в природе.

Итак, получается, что T вытесняется из $A - T - A'$, но экономика его не забывает.

§ 10. Организация второго контура с вытесненным элементом T

Второй ход мысли: процесс вытеснения T выглядит не абстрактно, как в (9.2), а происходит согласно с архитектурой схемы (5.1). Тогда имеем новую строку $T - A - T'$ и, соответственно, новую более сложную схему:

$$\begin{matrix} T - A - T' & (r) \\ A - A' & (R) \end{matrix}
 \tag{10.1}$$

Таким образом, T вытеснено на более низкий уровень иерархии, потому что он нуждается для своего существования в контуре $A - A'$. В противном случае средний термин A в верхнем контуре не воспроизводился бы неопределенно долго.

¹ Веблен Т. Теория праздного класса [1899]. М.: Прогресс, 1984; *его же*. Теория делового предпринятия [1904]. М.: Дело, 2007.
² Смолин А. Возвращение времени. От античной космогонии к космологии будущего. М., 2014. С. 149–151.
³ Malaney P. The Index Number Problem: A Differential Geometric Approach. Cambridge, Mass., 1996. P. 13 ff.

Важно отметить, что первая строка в (10.1) отличается по содержанию от аналогичной Марксовой формулы¹. Отличается тем, что характеризует не простой обмен товарами эквивалентами потребительных стоимостей / ценностей, а *реальный сектор экономики (производство)*, в котором осуществляется приращение ΔT , равное $T' - T$. Однако это производство уже вытеснено из ведущей области отрасли-лидера по производству стоимости / ценности. Если бы в верхнем контуре (10.1) не было приращения, или товарного излишка, не было бы и промышленной прибыли r . Под базисом (10.1), заключенным в последней строке, можно усмотреть своего рода «редукцию комплексности» в теории социальных систем Н. Лумана. Или — в рамках онтологического видения мира — можно увидеть и гегелевское «основание» (*das System — zu Grunde geht*).

Схема (10.1) является первой эмпирической схемой кругооборота, которая вытекает из процесса трансформации типа (8.1) и выражения (8.2). Эмпирической ее можно назвать с определенной долей условности: политико-экономические категории, которые в ней содержатся, имеют более земное происхождение, нежели абстракция типа (5.1). Вопрос о верифицируемости остается пока открытым.

§ 11. О недостающей категории Я в схеме кругооборота

Третий ход мысли: он связан с тремя аргументами в пользу тезиса о незавершенности системы кругооборота типа (10.1). Здесь мы рисуем их в кратком виде, а в § 12 разовьем. Во-первых, излишек ΔT первого контура в системе должен быть кем-то *потреблен*; для этого требуется соответствующий субъект. То, что это именно субъект, а не пассивный потребитель стоимости / ценности, демонстрируется значимостью, в том числе, теории предельной полезности в современном мире, которая его описывает. Субъект осуществляет выбор, что потреблять и в каких количествах; кроме того, он реализует если не максимум полезности, то также приращение ее, «излишек». Таким образом, он способен к *производству* стоимости / ценности даже в процессе потребления, что должно делать его полноправным участником иерархической производственной структуры (5.1).

Во-вторых, характер строки $T - D - T'$ в (10.1) указывает на то, что трудовая теория стоимости / ценности претерпевает *существенную модификацию* и в чистом виде сегодня не выполняется. На место труда в строке заступают D , которые стоят теперь на месте среднего термина и демонстрируют свою силу (косвенно через могущество технологий производства, лишь были бы деньги и инвестиционные возможности). При ведущей роли труда строка выглядела бы так: $T - \text{труд} - T'$.

Получается следующее транзитивное отношение: трудовая деятельность оказывается не *сильнее*, а *слабее* T , и при этом T *слабее* D . Термин «сильнее» применим в данной конструкции к среднему термину по отношению его к крайним терминам (умозаключения). Средний термин, в отличие от крайних, *созидает*, связывает крайние термины в синтетическое единство. Это означает, что динамика роста *труда* как институционального фактора отставала в процессе исторической эволюции и от динамики роста T , и от динамики роста D .

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. М.: Эксмо. 2011. Гл. 3, § 2, а. С. 158.

Поэтому если T и D можно назвать факторами *социальной среды*, то трудовая активность по-прежнему вращается вокруг *фактора биологического порядка*, который крайне медленно эволюционирует.

Наконец, в-третьих, суммируя оба приведенных выше аргумента, получаем такое представление: труд был исторически вытеснен из строки $T - \text{труд} - T'$, но не исчез полностью, а перешел, как на новую орбиту, на еще более низкую ступень иерархии. В соответствии же с транзитивным отношением (см. выше), а также по структуре схемы (5.1) он должен занять место не среднего, а крайнего термина новой строки. Получаем строку вида: $X - T - X$. Это искомое X , учитывая сказанное выше, следует назвать $Я$. Это нечто, способное производить *полезность* и в то же время обладающее способностью к труду. Машина может быть тоже «трудится», но полезность и удовлетворение (счастье, по терминологии У.С. Джевонса) она не производит.

В результате схема кругооборота (10.1) дифференцируется еще дальше и получает следующий законченный (для наших теперешних целей) вид:

$$\begin{array}{ll} Я - T - Я' & (w) \\ T - D - T' & (r) \\ D - D' & (R) \end{array} \quad (11.1)$$

Смысл ее заключается в том, что это та же формула $D - T - D'$ (1.1), но в наше время, т.е. прошедшая через 150-летний период эволюции хозяйственной системы.

Два момента стоит прояснить для понимания существа дела. Во-первых, *фактор общественных отношений*, в исследовании которого Маркс и марксисты преуспели как никто другой. Общественные отношения в (11.1) задаются и фиксируются топикой элементов, можно сказать, что они заключены в топике элементов, т.е. во взаимном расположении по строкам и гипотетическим столбцам (это ответ на критику А.В. Бузгалина). Во-вторых, *проблема отчуждения*. В (11.1) отчуждение наличествует, поскольку в основании, или базисе, располагаются D , а $Я$ занимает место крайнего элемента самой зависимой 1-й строки. Проблема поэтому заключается в том, каким образом вырваться из этой системы, которая давит на $Я$ всем своим весом при внешней видимости благополучия. Раз невозможно обратное присвоение реальности (распредмечивание), т.е. полноценный переход с 1-й хотя бы на 2-ю строку, не говоря уже и 3-й, задача, стало быть, заключается в том, чтобы организовать строку вида:

$$X - Я - X, \quad (11.2)$$

где это $Я$ было бы не потребляющим, а *производящим*. Что такое это X сегодня — главный вопрос в связи с проблемой отчуждения¹.

Только если у Маркса отчужден был труд рабочего и даже сам рабочий, то в системе (11.1) отчуждено все $Я$ в целом. Дело не только в том, что потребности $Я$ производятся в нем системой, и поэтому T , стоящее в 1-й строке (в качестве среднего термина), — оно и обеспечивает худо бедно воспроизведение $Я$. Дело еще в том, что характер воспроизведения $Я$ таков, что производится *Я потребляющее*. Например, производится оно посредством образования, когда вырабатывается *квалифицированный потребитель*, который может нажимать на

¹ Можно говорить и том, что от человека, живущего в России, по разным причинам и под разными предлогами отчуждается вся его история, кроме, образно говоря, А.С. Пушкина и Великой отечественной войны.

кнопки и выбирать опции, не понимая при этом, как устроены соответствующие приборы и механизмы. И эта тенденция, коль скоро люди участвуют в большинстве процессов, распространяется, медленно и неуклонно, на всю систему.

§ 12. Три подхода к обоснованию существования Я в схеме кругооборота

В каком-то смысле Я было введено в систему народнохозяйственного кругооборота как поступат¹, но от этого его значимость не снижается. Наметим три подхода к обоснованию Я в системе народнохозяйственного кругооборота. Каждый из них будет открывать новое измерение этого феномена.

А. *Формальный подход*. Представим себе систему (11.1) без Я. Она будет неполной по причинам, указанным выше (§ 11). Я выполняет функцию субъекта потребления, производящего «излишек» полезности ΔЯ. Однако этот излишек напрямую не возвращается в систему и исчезает из процесса кругооборота: потребности индивида в Т воспроизводятся (для осуществления реализации Т и обеспечения того или иного вектора цен), но он сам как их носитель — нет. В этом парадокс верхней крайней строки схемы (11.1). Я в этой ипостаси формирует сообщество потребителей массы Т, хотя может и рассматриваться изолированно от других, как элемент микроэкономических манипуляций.

Я связано со 2-й строкой в (11.1) не только характером своего вытеснения из Т – Я – Т', но и обратным отношением: каждый потребитель работает и производит Т, т.е. является носителем труда. Тот факт, что вместо Я средним термином во 2-й строке (11.1) оказываются Δ, указывает как минимум на *асимметричный* (в пределе неэквивалентный) обмен ценностями между трудом и капиталом. И здесь уже аргумент *homo oeconomicus* явно не работает: как бы человек не трудился и не максимизировал свою полезность, его положение в системе кругооборота таково, что он в подавляющем большинстве случаев окажется проигравшей стороной. Дело, стало быть, не в максимизации полезности, а в условиях институциональной среды и ее ограничениях, задающих непомерно высокие потолки цен и рисков (т.е. затрат) для большинства населения страны. В данном случае Я может восприниматься как макроэкономическая категория. Более того, в свете подчиненного положения и одностороннего управления со стороны 2-й и 3-й строк схемы (11.1) без фактической обратной связи Я можно трактовать, вслед за Гегелем, как «субстанциальное ядро народа», которое размягчается и размывается.

Крайнее положение Я в схеме (11.1) представляет собой *двойственный феномен*. С одной стороны, это символ свободы и в известном смысле предопределенности самим себе. Потому что таким образом отображается уровень отдельного индивида, который ищет себя и свои смыслы в экономической системе (формирование «субкультур», молодежные протестные движения и пр.). Такого микроскопа раньше теория практически не использовала. Если же пойти

¹ Из предшествующих концепций кругооборота существование этого элемента в схеме напрямую не следует. В классических схемах аналогом Я в 1-й строке схемы (11.1) мог бы быть *бесплодный класс* Кенэ или *непроизводительный труд* Смита, но это неточно. В цитированной схеме Леонтьева (1928), полностью объективной по своей архитектонике, Я было бы проигнорировано или включено в неразрывную производственную связь с Т. Неоавстрийская концепция (Й. Шумпетер), наоборот, видела бы в Я только лишь микроэкономическую основу и не имела макроэкономических претензий. Так же представлял бы дело и А. фон Мизес в своем варианте праксеологии.

далее и трактовать Т как самообразование и воспитание в духе моральных ценностей, то данную 3-ю строку можно мыслить и в терминах динамики человеческого капитала, потому что *потребление знаний* приводит к росту полезности индивидов (в том числе при самоощущении).

Однако, с другой стороны, налицо тревожные тенденции, связанные с двойным «нахождением на краю». Я находится в строке, которая представляет собой открытый, незамкнутый конец системы кругооборота, оставляющий возможность *экзогенной динамики* (рост народонаселения, миграционные потоки, качество воспроизводящегося населения и пр.). Эта динамика в настоящее время, если говорить прежде всего о России, отрицательная. Кроме того, Я на месте крайнего термина означает, что оно есть по существу своему и в большинстве своем *потребляющее*, а не *производящее*. И здесь не спасают никакие ссылки на рациональность и «просвещенный эгоизм» человеческой природы.

В. *Политико-экономический подход*. Если Я в системе есть по преимуществу потребляющее и оно отделено от индустрии, которая зависима от сферы бизнеса и абсентеистской собственности, то это *население, живущее на заработную плату ш*. Размер этой заработной платы, помимо своей низкой величины, довольно консервативен и устойчив¹. Он как бы прикрепляет население к данной территории. В отсутствие строки Т – Я – Т' миграционная активность коренного населения существенно снижается, потому что низкий размер ш компенсируется отсутствием географического разнообразия мест, требующих приложения человеческих сил (ср. с миграционной активностью русского населения в конце XIX века и практикой его всевозможных отходоу на заработки).

Согласно схеме (11.1) строка Т – Δ – Т' генерирует норму прибыли *r*, а сфера бизнеса в сфере денежных манипуляций — максимальную норму прибыли *R*, фактически означающую темп роста сферы денег и их господства. Вложение денежного капитала в отрасли, производящие средства, на которые расходуется заработная плата большинства населения, в конце XIX в., по свидетельствам, давало самую большую норму прибыли². Теперь же, по крайней мере в развитых странах, это не так. Здесь очевиден факт эволюции экономической системы, и схема (11.1) это фиксирует.

Относительно категории Я в политико-экономическом измерении нужно указать еще на два момента.

Первый момент связан с идеей эволюции труда (относительно заработной платы) по цепи: «труд — рабочая сила — Я». Элемент «труд» отражал классическую политическую экономию Смита — Рикардо, элемент «рабочая сила» — точку зрения теории прибавочной стоимости / ценности Маркса. Замена «рабочей силы» на «Я» связана сегодня с возросшей ролью свободного времени в экономике, где выбор является доминантой человеческого поведения. Так же как раньше Маркс делил рабочий день на две экономически обоснованные составляющие, сегодня можно разделить совокупный день, проживаемый Я, уже на три составляющие, добавив третью часть — *свободное время, расходуемое на досуг*. Этим временем субъект волен распоряжаться по своему усмотрению. Однако настойчивое стремление бизнеса, особенно в сфере образования и массовых развлечений, склонить потребителя к тому, чтобы он провел время

¹ Эти характеристики *w* могут служить едва ли не главным препятствием для экономического развития в России. См. Черемных Ю.Н. К вопросу о создании комплексной теории социально-экономического развития // Наследие Н.Д. Кондратьева и современность / Под ред. П.Н. Ключкина. СПб., 2014. С. 162 и сл.

² Дмитриев В.К. Экономические очерки [1904]. М., 2001. С. 96.

так, а не иначе, указывает на жесткую борьбу за эту часть свободного времени человека. И сам человек стоит сегодня перед выбором — конвертировать часть свободного времени в ожидаемое повышение дохода, или же нет. Отсутствие видимых альтернатив в смысле тотальной вовлеченности $Я$ в систему товарно-денежных отношений типа (11.1) означает, что острота Марксовой теории прибавочной стоимости / ценности никуда не исчезла. Она только смещена сегодня собственно из производственной области в непроизводственную, в частности сферу услуг. *Индивид ставится перед выбором*, что делать с имеющимся свободным временем, чтобы суметь жить по стандартам, заданным в обществе, стандартам, которые постоянно растут. И в этом смысле $Я$ есть система потребностей индивида, которая производится и воспроизводится в системе кругооборота (11.1), с целью извлечения прибавочной стоимости / ценности из *любого* его действия (а не только в сфере производственной деятельности, как у Маркса) по принципу *цугуванга* в шахматах.

Второй момент связан с идеей взаимоотношения $Я$ и T , а точнее, с идеей постепенного их отделения друг от друга в процессе исторической эволюции. Речь идет о выделении особой строки в (11.1), отвечающей за $Я$ и его воспроизведение. Сначала $Я$ не было отделено от T , особенно в средневековых цехах. Но затем началась дифференциация, связанная с разделением труда, производством машин, заменой рабочего машиной, производством «умных машин» и т.д. С другой стороны, как было метко подмечено К. Поланьи, основные факторы производства постепенно в ходе исторической эволюции капитализма становились *товаром*, т.е. функционировали уже не как самостоятельные *вещи*, а как продукты на рынке, который также расширялся. Человек дифференцировался от T все более и более (он уже ни в каком смысле не «рабочий скот», как еще было у Смита), но в то же время его хозяйственная деятельность все более и более вовлекалась в систему типа (10.1). В этом смысле категория $Я$ в кругообороте сегодня необходима, чтобы, с одной стороны, не растворить человека полностью в труде, который есть уже товар T , а с другой — удержать за человеком цельность *личности*, не сводимой к своим экономическим проявлениям. В этом смысле $Я$ в (11.1) — это не весь человек, а только та часть его *сознания*, которая функционирует по принципу полезности и приращения выгоды. Стало быть, $Я$ есть *экономическое сознание человека* в общей структуре экономического сознания (11.1). Понятое таким образом соотношение $Я$ и системы кругооборота в целом может открыть путь к дальнейшему осмыслению идеи о роли человеческого фактора в системе производственных отношений общества.

Схема (11.1) иллюстрирует и тот факт, что трудовая деятельность $Я$ сегодня слабее T , что находит свое отражение и в современной эпохе массового конюмеризма, и в параллельно происходящем вытеснении труда из собственно производственной сферы и заменой его деятельностью по «оказанию услуг». (T в этом отношении также страдает, превращаясь частью в «услугу», которая более мимолетна и преходяща.) Отделение $Я$ от T и подчинение их обоих D происходило в истории не только по причине вытеснения рабочего машиной и снижения ценности физического труда. Нужно еще иметь в виду колоссальный прирост мирового богатства, перешедшего в новое качество, когда главное уже не в том, чтобы приумножать, а в том, чтобы, не теряя, сохранять и жить за счет накопленного и присвоенного¹. Подобно тому как T , некогда не удержавшись, отделилось от D и попало в зависимое положение от D (схема 10.1),

¹ Отсюда настойчивые поиски ренты и анализ обществ, которые основаны на поиске ренты и рентном поведении.

параллельный процесс происходил и в сфере отношений T и труда. Труд, произведший огромную массу T , оказывается, в свою очередь, вытесненным этим T и оттесненным еще на более низкую ступень иерархии. Этот процесс и отражен в схеме (11.1).

С. *Синтетический подход*. Он связан с соединением первых двух подходов (А и В) и символизирует собой связь *политической экономии* как науки и *истории экономической мысли*, рассматриваемой тоже в качестве науки. Речь идет о том, чтобы рассматривать схему (11.1) как *фактический результат* исторического пути развития капитализма и выявить его простейшие формы (гештальты) через определенный набор сочетаний строк и элементов, местоположение которых друг относительно друга во времени постоянно меняется. Иными словами, речь о том, чтобы перейти к рассмотрению *экономических систем*. Здесь все три свойства новой схемы, отмеченные выше (§ 4), должны найти свое применение.

§ 13. Переход к рассмотрению экономических систем. Предварительные замечания

Теперь, после того как получена схема (11.1), можно поставить вопрос о ее эволюционной динамике¹. Поток (1.1) двигался расширяющимся образом по схеме многократного повторения (5.1) в течение долгого времени. Он нашел свою реализацию в (11.1), где присутствует элемент $Я$, в определенном смысле не отличающийся от других элементов схемы². Рассмотрим процесс обратной эволюции схемы. Если осуществить свертку (11.1), то получим вертикальным образом упорядоченную структуру:

$$\leftarrow \begin{Bmatrix} Я \\ T \\ A \end{Bmatrix}. \quad (13.1)$$

Соответственно, все образующиеся *картины реальности* (или производственные системы) будут, с одной стороны, предшественниками (11.1), но с другой — будут иметь и самостоятельное значение. В терминах (11.1) их можно назвать, если уместно принять терминологию истории пространства Р. Гамильтона и Г.Я. Перельмана, античными решениями (ancient solutions). Естественно, нужно получить всю гамму «ancient solutions»³.

Исходя из логики становления системы типа (11.1), можно ожидать, что на каком-то этапе ее развития $Я$ вообще в ней не было, затем оно появилось и постепенно развивалось. В принципе, если представление (11.1) получено не случайным образом, а имеет за собой доказательство в виде длительной исторической эволюции, то можно указать на необходимые гештальты, в которых

¹ Ключкин П.Н. Эволюционный принцип в теории хозяйственного кругооборота // Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдяной. СПб., 2015. С. 262.

² Ключкин П.Н. Категория «Я» в системе народнохозяйственного кругооборота // Теория и практика институциональных преобразований в России / Под ред. Б.А. Ерзякина. Вып. 34. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. С. 49 и сл.

³ Поставленная таким образом задача отчасти напоминает морфологию экономических систем В. Ойкена, но у него положен в основу двоичный принцип (чтобы обеспечить *дифференциальный* характер рассмотрения), который может оказаться недостаточным.

Я существовало. Это, во-первых, $Я - Я$, т.е. логика закона «железной заработной платы», когда продуктивное возмещение изношенного труда равнозначно сохранению жизни рабочего. Это, во-вторых, $Я - T - Я'$, когда $Я$ уже приобретает черты субъектности и индивид способен *производить* излишек полезности $\Delta Я$. Это, в-третьих, $T - Я - T'$, что означает производительный характер $Я$ и отражает его господство над создаваемым товаром в силу создающей мощи среднего термина¹. В этом последнем случае будет возможно, видимо, пролить дополнительный свет и на политическую экономию социализма, которую, без сомнения, также следует рассматривать в контексте эволюции систем народно-хозяйственного кругооборота.

Основанием, почему вообще возможно представление (13.1), является сформированная система координат, в рамках которой можно производить историческое движение. Эта система координат не зависит от наличия $Я$ в (11.1), поэтому избегать эволюционистской ловушки современной теории сознания нам нет нужды. Двигается сама система (11.1), которая состоит из элементов (13.1), вступающих друг с другом во взаимно-однозначные связи. Это своеобразная диалектика целей и средств², реализованная на историческом пространстве, но в известном смысле и независимая от него.

§ 14. Классификация изображений экономических систем

Рассмотрим процесс обратной *исторической динамики* вида:

$$\leftarrow \begin{cases} Я - T - Я' \\ T - A - T' \\ A - A' \end{cases} \quad (14.1)$$

Каждая из строк формирует определенное представление о соответствующем базовом элементе ($Я, T, A$). Задача заключается в описании пути, каким данная структура формировалась из составляющих ее элементов в *реальном историческом времени*. Рассмотрим ниже основные преобразования и вехи этого пути. Главное в данном движении — не *линейность* его (этим свойством были заняты предшествующие схемы эволюции), а *неферривность*, которая не оставляла бы пустот. Последние приносят большой вред экономическому сознанию, которое начинает заполнять эти пустоты неадекватными объектами.

14.1. Предыстория (практика меркантилизма)

Начиная отсчет с периода формирования национальных государств (XVII век), мы видим, что обширная меркантилистическая эпоха ставит во главу угла не производство, а торговлю. Она может быть обозначена выражением³:

$$A - A' \quad (1)$$

¹ По этому вопросу см. указанные работы Гегеля, который, в частности, глубоко проник в характер взаимоотношений господина и раба в «Феноменологии духа» (1807).

² Целями и средствами здесь выступают попеременно товары X_i и X_j , а само диалектическое движение — это производство этих товаров.

³ Маркс неоднократно использовал эту формулу для самых разных случаев и в разных контекстах. Нумерация формул и аналитических выражений в целях простоты здесь и ниже начинается с единицы без учета номера параграфа.

Посредническая торговля Англии добавляет в это выражение в качестве среднего термина элемент T , но не совсем в законном смысле. Поэтому можно выразить это отношение как

$$A - \dots(T)\dots - A' \quad (1.1)$$

Таков ранний меркантилизм (Т. Ман и др.), трактующий о богатстве нации как определенном количестве драгоценных металлов¹. Законный смысл T в качестве среднего термина приобретает в период позднего меркантилизма, когда постепенно осознается, что активный торговый баланс не является самоцелью, что излишний приток золота и серебра в страну может порождать обесценение денежных единиц.

Можно ли в итоге наблюдать из $A - A$ быстрое становление выражения $A - T - A'$? Тогда мы должны были бы получить схему с замыкающим контуром (T):

$$\begin{matrix} A - T - A' \\ T - T' \end{matrix} \quad (1.2)$$

По всей видимости, это был бы тупик мысли. При таком движении не возникло бы схемы (11.1), потому что непонятно каким образом из схемы (A, T) типа (1.2) могло возникнуть $Я$. История политической экономии пошла по другому пути! В ней явным образом возник тот самый элемент $Я$ (см. ниже), который кажется столь неочевидным экономическому сознанию.

Другое объяснение более прозаическое: T в выражении $A - \dots(T)\dots - A'$ на период предшествующий физиократам является все равно формальным, а не реальным, потому что это T получается еще все-таки преимущественно в сфере торговли. Такие авторы, как П. Буагильбер, У. Петти, особенно Р. Кагильон уже осознают важность описания производственного процесса, порождающего T , но еще не делают нового решительного шага. В силу этого схема кругооборота остается «завязанной» на A , при этом одноконтурной, и потому не развивается. Ее возможности были оценены лишь столетия спустя (в трудах Дж.М. Кейнса).

14.2. Прототип классической схемы (физиократия)

«Экономическая таблица» Кенэ в вариантах «Зигзага» (1758–1759) и «арифметической формулы» (1766), а также прилагаемые к ней основные принципы функционирования сельскохозяйственного государства символизируют наступление нового периода. Он может быть описан выражением:

$$T - T' \quad (2)$$

Предшествующие формулы, присущие меркантилизму, остаются в стороне². Безостановочное движение товарных потоков, показанное в «Таблице», не нуждается в обслуживании их со стороны A . Поэтому законность свертки «Таблицы» в терминах T отмечалась, в частности, и К. Марксом, когда он го-

¹ Меркантилизм / Под ред. и со вступ. ст. И.С. Плотникова. Л.: ОГИЗ — Соцэкгиз, 1933. С тех времен ни разу не переиздавался, и вообще меркантилистическая эпоха является у нас относительно малоизученной.

² Этот разрыв достаточно радикален, но не настолько критичен, чтобы прервать историческое развитие схемы. В то же время он может являться свидетельством наличия в то время разных исходных проектов создания политической экономии как науки (проф. И.И. Ананьин). Все дело, однако, в долговременной реализации исходного принципа.

ворил о «верном такте» Кенэ выбрать для формы движения в «Таблице» формулу $T - T'$. Приращение ΔT было названо «чистым продуктом» (produit net), который затем распределялся между тремя классами общества и обеспечивал народнохозяйственную динамику. Говорить о наличии иных элементов в схеме кругооборота, кроме T , не имело особого смысла, т.к. предпринимательскую активность в системе Р. Кантильона (вероятный аналог «Я») Кенэ явным образом отверг. Определенное движение в данном направлении, тем не менее, произвел А.-Р.Ж. Тюрго, который уже наделял ремесленников (artisans) и владельцев капитала способностью извлекать прибыль из собственной деятельности и таким образом фактически наметил путь уравнения их в правах с фермерами с точки зрения создания «чистого продукта».

Именно с физиократов начинается долгий процесс освоения идеи «чистого продукта» классическими экономистами, которые вплоть до Сраффы трактовали деятельность экономической системы как «производство с излишком» (production with surplus). И здесь же нужно отметить радикальность отхода от меркантилистской формулы типа $D - D'$. Важное общее у формул $D - D'$ и $T - T'$, тем не менее, остается: это форма *бинарного отношения*, где еще нет троичности, и потому как практика извлечения торгово-посреднической прибыли, так и «Таблица» фиксировались *непосредственно*, как некоторое *изображение или картина* (tableau). Ранняя форма «Таблицы» — «Зигзаг» — также имела осязаемый вид¹.

14.3. Двухконтурная схема (классика — А. Смит, Д. Рикардо)

Смычкой Кенэ и Смита может служить понятие производительного / непроизводительного труда (в этом заслуга известного отечественного дореволюционного экономиста В.Э. Дена). Едва ли не главным достижением А. Смита было описание логики функционирования мануфактуры и вытекающих следствий для организации общества как хозяйства, основанного на обмене. В основу он положил всеобщий принцип разделения труда. Ранние произведения Гегеля, в которых изучалась триада «потребность — труд — наслаждение», давалась трактовка труда как «заторможенного вождения», раскрывалась связь орудий (которыми «горды народы») с деятельностью человека, доводят до сознания мысль о значении труда не только как фактора производства наряду с другими факторами². Этот труд есть существо человека, (Я). Базовое выражение, описывающее данную ситуацию, т.е. связь труда с товаром (Т), таково:

$$T - Я - T' \quad (3)$$

Данной топикой фиксируется производящий характер Я, которое занимает место среднего термина и вклинивается в выражение $T - T'$. Это встраивание, являясь революционным преобразованием Смита — Гегеля, имело далеко идущие последствия для западной цивилизации («рука — кузнец счастья»). Для нас важно то, что тем самым тут же порождалься проблема воспроизведения: каким образом возмещается это Я, что позволяет удержать его от тотального

¹ Кенэ говорил, что без надлежащего вдохновения и воображения ум остается в ситуации «впутанности» в эту графическую конструкцию (см. также меткие замечания В.С. Немчинова): Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С. 844, 1004–1009.

² См.: Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. («Иенская реальная философия».)

сращивания в долгосрочном периоде в рамках $T - Я - T'$? Ответ мы находим фактически в «железном законе» заработной платы, намеченном Смитом (в качестве тенденции уровня заработной платы w к минимуму средств существования) и обоснованном Рикардо. Речь идет у Рикардо (1817) о явном добавлении нового контура в схему кругооборота:

$$\begin{array}{r} T - Я - T' \quad (r) \\ Я - Я. \quad (w) \end{array} \quad (4)$$

Это позволило классикам обсуждать не только приращение продукта ΔT в рамках 1-й строки (4), но и проблему нормы прибыли (r) и заработной платы (w), при общей тенденции к трактовке теории стоимости / ценности (англ. value) в терминах труда. Рикардо еще более усилил значимость схемы (4), создав теорию дифференциальной ренты, т.е. фактически исключив ренту в качестве систематического явления из системы кругооборота. Это имело свои основания в полемике с «хлебными законами» (corn laws) в Англии начала XIX в. В то же время норма прибыли r определялась в рамках продуктовой схемы, без участия ΔT и $\frac{\Delta T}{T}$, где T знаменателя исчислялась у Рикардо в реальной (и опять-таки выраженной в продукте, например в зерне) заработной плате.

Гештальт $Я - Я$, в котором существует Я в рамках (4), означает труд как механическую работу, когда продуктивное возмещение изношенного труда равнозначно сохранению жизни рабочего. Поэтому вторая строка схемы (4) не вызывает никакого приращения $\Delta Я$, оставаясь на уровне простого сохранения того, что уже есть. Рынок производительного труда является основным поставщиком этого фактора производства для 1-й строки схемы (4). Фактор Δ не имеет такого уж большого значения. Об этом косвенно свидетельствует и настойчивый поиск Рикардо «неизменной меры ценности» в терминах именно (Т).

14.4. Трехконтурная схема (зрелая критика политической экономии К. Маркса)

Итак, мы на очередном витке рассуждений возвращаемся к Марксу. Маркс, с одной стороны, выступал последователем классической школы политической экономии, т.е. работал в русле схемы (4). С другой стороны он был ее критиком, начиная практически с самого начала своего творческого пути, с «Экономическо-философских рукописей 1844 года»¹. Он усложнил схему, добавив в нее новую строку и изменив главное производственное отношение при капитализме, которое отныне заключалось в приоритете всеобщей формулы накопления капитала $D - T - D'$. Заметим, что логика обоснования была другой, нежели в условиях меркантилистической эпохи, потому что за производящей ролью T скрывались уже не просто обменные операции товаров, а присвоение капиталистом рабочей силы на уровне стоимостного эквивалента и последующего извлечения из нее прибавочной стоимости / ценности. Товар перешел из сферы обмена в область производства, спустившись под землю, в цеха².

¹ На обновленном переводе «Рукописей», при сличении с новейшим немецким оригиналом, отчетливо видны соответствующие критические акценты, см. настоящее издание, с. 787 и сл.

² Мы помним, как Маркс проникновенно и трогательно писал в I томе «Капитала» про рабочего, который бредет в цех понуро, потому что там его кожу будут дубить.

В итоге схема в результате трудов Маркса приняла вид:

$$\begin{array}{r} D - T - D' \\ T - Y - T' \\ Y - Y. \end{array} \quad (5)$$

Здесь произведение ΔD осуществляется за счет изнашивания T в 1-й строке, это T воспроизводится затем во 2-й строке за счет изнашивания Y (рабочей силы), которая, в свою очередь, воспроизводится в 3-й строке за счет потребления рабочими минимума средств существования.

Когда соответствующие рынки развиваются и начинают функционировать в бесперебойном режиме, все три строки схемы (5) существуют параллельно друг другу. Тем не менее, иерархия сохраняется, и Маркс, как нам представляется, имеет ее в виду на протяжении всех трех томов «Капитала»¹. Дело в том, что самоотношение какого-то элемента схемы, в данном случае, рабочей силы, остается. Иначе непонятным становится факт произведения прибавочной стоимости / ценности в результате присвоения капиталистом неоплаченного труда рабочего в течение рабочего дня.

Кроме того, 1-я строка схемы (5) означает, как мы помним из § 1, введение *бесконечности* и, соответственно, принципиально важен процесс возрастания и самовозрастания капитала. Те формы, которые Пикетти были признаны не жизнеспособными, допускают выражение в рамках (5). Первая строка неограниченно растет, вплоть до вытеснения T , третья, наоборот, не растет, а под давлением резервной армии труда прочно устанавливается на уровне $Y - Y$. В итоге схема в целом размыкается, потому что T второй строки уже не может выполнить функцию связующего элемента 1-й и 3-й строк. Если этот разрыв увеличивается вплоть до критически важного для системы значения, происходит социальный взрыв и «экспроприация экспроприаторов» (см. гл. 24, отдел 7 в настоящем издании I тома «Капитала»). Трехчленная формула вырождается в двухчленную, да еще антагонистическую.

Иными словами, схема размыкается следующим образом, распадаясь на два, мало связанных друг с другом контура (D) и (T, Y):

$$\begin{array}{r} D - (T) - D' \\ \text{-----} \\ T - Y - T' \\ Y - Y. \end{array} \quad (5.1)$$

Симптоматичны в этой связи рассуждения III тома «Капитала»². Во-первых, наличие экономических кризисов более явно видно из (5.1) нежели из (5), потому что накапливаемый излишек ΔT национальных товаров вообще перестает потребляться капиталистами в 1-й строке. Между тем вторая строка увеличи-

¹ Дело в том, что всегда можно осуществить свертку (5) и придти к всеобщей формуле капитала в развернутой форме. Обратное стало очевидным, однако, не сразу, а только после публикации трудов талантливейшего российского экономиста-математика Г.А. Харазова (Georg von Chagasoff, 1877–1931), см. § 3 выше. Перевод на русский язык его экономического наследия готовится, и в этой связи новое издание и новая трактовка ряда положений «Капитала» Маркса оказываются кстати.

² Вообще в свете соотношения аргументации I и III томов «Капитала» более важным предметом анализа представляется сегодня не проблема трансформации стоимостей в цены, а трансформация (1.1), т.е. $D - T - D'$ в $D - D'$, потому что последнее выражение более присуще как раз анализу Маркса из III тома.

вает ΔT за счет возрастающей конкуренции рабочих за рабочие места и угрозы голодной смерти. О качестве этой продукции мы не говорим.

Во-вторых, о том же процессе типа (5.1) свидетельствует Марксов закон тенденции средней нормы прибыли к понижению. Он говорит нам о том, что схема (5.1) в долгосрочном периоде должна будет выродиться в нечто бессвязное, главным образом из-за трансформации капитала по всеобщей формуле $D - T - D'$ в «капитал, вывернутый наизнанку»: $D - D'$. Тем самым 1-я строка (5.1) еще больше отрывается от остальных строк схемы и образует отдельную, замкнутую в себе подсистему. Соответственно, две другие строки образуют вторую подсистему, которая, как можно видеть, не является самодостаточной, приводя, с одной стороны, к перепроизводству ΔT и кризисам, а с другой — к истощению качественных человеческих ресурсов (Y). В конце I тома «Капитала» (гл. 24, отдел 7) в терминах эволюции (5) и (5.1) ситуация обрисована гротескно:

$$\left\{ \begin{array}{l} D \\ T \\ Y \end{array} \right\} \text{ превращается по сути в } \left\{ \begin{array}{l} D \\ Y \end{array} \right\}.$$

Иными словами, если не иметь под рукой схемы (11.1), то процесс трансформации типа (8.1) и (8.2) в I томе и в III томе «Капитала» приведут к разным результатам. В III томе ситуация будет выглядеть гораздо мягче, несмотря на периодические кризисы; однако в долгосрочном периоде и катастрофичнее.

Итак, эти две подсистемы имеют тенденцию к размыканию единой схемы кругооборота типа (5). Запомним этот момент. В то же время, добавление Марксом в схему (4) первой строки D означает, что эта первая строка отныне становится у него основной, как целевая функция всей системы (ср. с аналогичными рассуждениями при построении СОФЭ у нас в стране).

Итого: схема (5) символизирует зрелую классическую схему кругооборота. Затем она начинает модифицироваться уже не в смысле становления, а в смысле трансформации, иногда радикальной, иногда нет. Поэтому схему (5) можно рассматривать как важный поворот в историческом движении экономических систем. Система уже достигла необходимого уровня сложности, и в этом всецело заслуга Маркса.

14.5. Модификация схемы «снизу» (смысл «маржиналистского залпа»)

Процесс накопления богатства в передовых странах Западной Европы и Соединенных Северо-Американских Штатов к концу XIX века в связи с промышленными революциями и развитием технологий привел к интересному выводу в учениях и идеях первых маржиналистов от О. Курно до Г.Г. Госсена, У.С. Джемсона, О. фон Бем-Баверка и А. Маршалла. Отбросив макроэкономический характер построений, в частности, Марксову формулу $D - T - D'$, они задурачились (неявно) о модификации схемы (5) с другого ее конца. Дело в том, что учение о полезности, развиваемое ими, предлагало новый гештальт для Y :

$$Y - T - Y'. \quad (6)$$

Смысл его заключается в том, что индивид способен уже не только выживать за счет своего труда ($Y - Y$), но и получать дополнительную *полезность* от потребления благ (ΔY). Это получение полезности неявно предполагает более высокий уровень благосостояния, нежели чем это было во времена Рикардо и

даже Маркса. Тем самым индивид, во-первых, обретал некоторую свободу выбора, что потреблять и в каких количествах (рос, соответственно, и ассортимент благ). И, во-вторых, он становился способен — наряду с классическим капиталистом — *производить* прибавочную ценность в форме прироста полезности ΔY . Она, правда, утилизируется тут же, в нем самом (как бы умирает в момент своего производства), но по форме тоже представляет собой дополнительную ценность, произведенную психикой индивида. Ранее прибавочная ценность, напомним, производилась только на стороне производства, но не потребления.

14.6. Автономный процесс в рамках схемы (важное следствие А.В. Чайнова)

Если выражение (6) встроить в базовую схему (5), то на деле будет наблюдаться постепенное взаимное отделение друг от друга двух подсистем: 1-й строки и двух других строк, взятых совместно. Это будет происходить хотя бы потому, что во 2-й и 3-й строках схемы (5) D не является системообразующим элементом. Его там попросту нет. В своей концепции трудового крестьянского хозяйства А.В. Чайнов (1912) зафиксировал автономное (устойчивое, по его терминологии) функционирование подсистемы вида:

$$\begin{array}{l} T - Y - T' \\ Y - T - Y' \end{array} \quad (7)$$

Здесь T воспроизводится с помощью Y в 1-й строке, а Y возмещается с помощью T во 2-й строке¹. Система, названная Чайновым «трудовым крестьянским хозяйством», способна сколь угодно долго функционировать в отрыве от строки $D - T - D'$. Тем самым был указан и важный тип «некапиталистических систем хозяйствования», которые живут и без понятий нормы прибыли, наемного труда, заработной платы и пр.² Такой же тип системы впоследствии был указан Дж. фон Нейманом как особый, предельный случай системы кругооборота с двумя элементами³. Важность этого случая заключается именно в том, что только такой тип системы способен к автономному существованию и самовоспроизведению без дополнительных ограничивающих условий. Такая система проста и вместе с тем естественна в своей простоте. Она реализует так называемый «трудопотребительский баланс» (термин Чайнова), когда трудовые усилия во 2-й строке схемы (7) идут на обеспечение потребления, генерируемого 1-й строкой, и обратно⁴.

14.7. Радикальное преобразование схемы (смысл политической экономии социализма)

Приход к власти большевиков и последующее построение системы социализма означало, прежде всего, что в схеме (5) была последовательно и неуклонно

¹ См. Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989.

² Чайнов А.В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем [1924] // Александр Васильевич Чайнов (не публиковавшиеся и малоизвестные работы). М., 2003.

³ Neumann J. von. A Model of General Economic Equilibrium [1937] // Review of Economic Studies. 1945–1946. Vol. 13. No. 1. P. 1.

⁴ Можно отметить здесь, что в Советском Союзе конца 1920-х годов взгляды Чайнова, получаясь, были неприемлемы не по прихоти одних властей только, а еще по следующему обстоятельству, вытекающему из логики схемы (7). Выстраивалась новая иерархия политико-экономических категорий (новая схема типа 9, см. ниже), и автономия ее отдельных контуров, естественно, не приветствовалась, потому что усиливала центробежные тенденции.

устранена 1-я строка $D - T - D'$. Она символизировала буржуазию, впоследствии и «кулацкие элементы». На ее месте, которое в начале 1920-х годов было еще пустым, возникает уже при Сталине новая 1-я строка, где ведущую роль играет государство. Обозначим этот элемент схемы через G . Речь тогда будет идти о новом типе строки:

$$G - T - G'. \quad (8)$$

В дебатах о политической экономии социализма (новой, как тогда считалось, науке) должны были бы обсуждаться, прежде всего, вопросы построения социалистического государства как целого, обладающего силой связующей общности отдельных частей хозяйства. Вопросы о том, что такое товар, стоимость, производительный / непроизводительный труд, деньги и пр. также, безусловно, важны, но это в свете строки (8) вопросы все-таки не первой важности.

Задачи построения и увеличения мощи государства предъявляли также новые требования к производству T . Когда говорят о догоняющей модернизации в СССР 1930-х годов, упускают из виду форму производства T , делая акцент в основном на ассортименте и издержках производства, и сравнивая с аналогичным процессом производства в западных странах. Новый, невиданный доселе (и вряд ли кем в будущем повторенный) характер T отчетливо проявился уже в аркадный советский период. Это производство, в которое были вложены ум и сердце, смекалка русского человека и всей нации в целом в едином порыве. Особенно это проявилось при формировании структуры ВПК. Простым смертным, в частности политэкономам не были доступны многие образцы промышленного производства в СССР, поэтому они ограничивались описанием того, что видели¹.

Соответственный процесс постепенного преобразования T во 2-й строке схемы изменял, начиная с конца 1920-х годов, российскую промышленность, которая стала приобретать контуры той самой советской, которая стала впоследствии предметом гордости. Иными словами, с конца 1920-х годов складывалась схема вида:

$$\begin{array}{l} G - T - G' \\ T - Y - T' \\ Y - Y' \end{array} \quad (9)$$

Ее анализ в виду сложности и неоднозначности требует отдельного подхода. В частности, из (9) можно усмотреть логичное подразделение 2-й строки на две, обслуживающие разные интересы и потребности. Одна из строк (назовем ее 2.1) будет служить средством для 1-й строки (тяжелое машиностроение и другие средства производства). Другая же (назовем ее 2.2) будет служить средством для функционирования 3-й строки, т.е. необходимых средств труда и предметов потребления, включая общественные блага².

В то же время 3-я строка схемы (9), крестьянство, сельское хозяйство, как неадекватные «ножниц цен» 1920-х годов, так и по нагрузке в процессе коллективизации и индустриализации откатились назад (ср. со схемой Чайнова, № 7).

¹ Тематика «экономики Победы» в Великой Отечественной войне и масштабов эвакуации промышленных предприятий также стала изучаться профессиональными экономистами сравнительно недавно, и пока разработка этих вопросов находится на недостаточном уровне.

² Соответственно, выделяются два типа Y : одно работает для производства долгой инфраструктуры (так формировалась, например, система ГУЛАГа), другое — для удовлетворения потребностей насыщенной населения страны. Отсюда и принципы национального счетоводства, завязанные на концепцию производительного / непроизводительного труда А. Смита, см. схему (4).

14.8. Постлесталинский период существования СССР

Несмотря на прогресс индустриализации и иные формы прогресса, уже на данном этапе развития системы можно отметить ту же самую угрозу автономизации двух подсистем в рамках единой схемы, на которую фактически указывал Маркс (схема 5.1) в своем исследовании строки $D - T - D'$. Достаточно представить, как 1-я строка (и обслуживающая ее элита, партийная номенклатура) вырождается в $\Gamma - \Gamma'$, т.е. переключается на потребление импортного оборудования и техники, «отрываясь от народа»¹. И это притом, что остальная часть системы (9) будет стремиться из отношения $Y - Y'$ перейти к отношению $Y - T - Y'$ (формула 6) и бурно его развивать. Упразднение системы принудительного и более дешевого труда ускорило этот процесс. Тогда вторая, «нижняя» подсистема все больше будет замыкаться на потребительские нужды, т.е. на 3-ю строку и соответствующую часть 2-й строки. Положительную динамику потребления и роста полезности покажем как $(T)^+$. Получим тогда:

$$\begin{array}{l} \Gamma - (T)^- - \Gamma' \\ T - Y - T' \\ Y - (T)^+ - Y'. \end{array} \quad (9.1)$$

Система (9.1), как видим, будет все больше отдаляться от светлых идеалов коммунизма, несмотря на усиливающуюся с годами в СССР риторику. Избыточный денежный «навес», возникший уже с начала 1960-х годов вследствие несбалансированности производства T во 2-й строке и потребления T в 3-й строке (на возросшую заработную плату в денежном выражении), еще не замечается в схеме типа (9). Но он уже заметен в (9.1) благодаря нагрузке на 2-ю строку, т.е. на промышленность, которая испытывает структурные дисбалансы в производстве средств производства и предметов потребления. В работах замечательного нашего экономиста В.Н. Богачева (1929-1991), в частности, этот процесс накопления избыточной денежной массы хорошо показан, как минимум в 30-летней динамике². Крестьянство также внесло свою лепту в этот процесс, особенно после отмены системы натуральной оплаты в колхозах.

Ключевым моментом, предохраняющим от перехода от (9) к (9.1) является, по-видимому, следующая фраза: «Дело в том, что излишки колхозного производства поступают на рынок и включаются таким образом в систему товарного обращения... Нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами... Такая система потребует громадного увеличения продукции, отпускаемой городом деревне, поэтому ее придется вводить без особой торопливости, по мере накопления городских изделий. Но вводить ее нужно неуклонно, без колебаний, шаг за шагом сокращая сферу действия товарного обращения и расширяя сферу действия продуктообмена. В этом суть» (И.В. Сталин, 1952).

В то же время стоит отметить, что из схем (9) и (9.1) видно, что процесс большевистских преобразований затронул 3-ю строку в наименьшей степени. Это особенно отчетливо стало проявляться при смене поколений от 1920-х и 1930-х годов к поколениям 1970-х и 1980-х годов, которые уже всю жизнь жили по

¹ В этом пункте можно наблюдать сближение с концепцией «социолитархизма» Я.А. Кронрода. В схеме отрицательная динамика показана как $(T)^-$.

² Богачев В.Н. Народнохозяйственная эффективность и затратный механизм / Сост. О.С. Пчелинцев. М.: Наука, 2006. (Серия «Памятники отечественной науки. XX век».)

строке $Y - T - Y'$, а производительность труда не только не увеличивали, но зачастую и снижали. «Поколение Октября» не пустило долговременных корней, срок жизни ограничился фактически тремя поколениями.

10.9. Эволюция схемы (западный вариант развития, до Дж.М. Кейнса и после)

На Западе, в отличие от России, наблюдались все три медленных процесса трансформации, которые соответствуют каждой из строк схемы (5). Строка (6), отвечающая за (Y) , постепенно приходила на смену 3-й строке схемы (5). Вид 1-й строки менял процесс становления «праздного класса» и формирования системы «абсентеистской собственности» (по замечаниям Т. Веблена), потому что трансформировал строку $D - T - D'$ в $D - D'$. Согласование этих изменений со связующей 2-й строкой (промышленность) было болезненным, учитывая масштабные потрясения типа «Великой депрессии» и Второй мировой войны. Но, с другой стороны, без этих потрясений, выведших капитализм на новый путь развития (о чем думали многие западные интеллектуалы, в частности Дж. М. Кейнс), схема (5) также могла попасть в «ловушку автономного существования подсистем». Важно отметить еще и то, что сами строки в схеме (5) сохраняли свои номера и свой порядок, т.е. свое положение в иерархии, и не менялись местами. И только после 1945 г. в западном мире начинает складываться система, прежде всего система мощных финансовых институтов, которая перевернет устоявшиеся отношения.

Мощное движение финансиализации, начавшееся с 1970-х годов, с одной стороны, ускорило процесс параллельного вырождения производительного капитала в капитал фиктивный ($D - D'$), с другой же — вследствие усиления роли денег и проблем инфляции — началось движение 1-й строки схемы (5) в направлении основания — к 3-й строке. Параллельно происходящий процесс умирания классического закона стоимости / ценности¹ вследствие отмены золотовалютного и золотодевизного стандартов и факта конвертируемости национальных валют вытеснял (или вытеснял) Y из основания системы, основанной все-таки на труде и бережливости, на первые строки. Бурное развитие технологий и научно-технического прогресса делало излишним (в массовом масштабе) явление предпринимательства и заменяло его долей затрат на НИОКР в корпорациях. Это отмечалось и Дж. К. Гэлбрейтом², и еще ранее Й. Шумпетером в «Теории экономического развития» (1911). Иными словами, во 2-й строке схемы (5) Y постепенно, но неуклонно заменялось на D , категорию, которую можно толковать в данном контексте и как производительные инвестиции, и как производительную силу капитала, и т.д., — смысл преобразований от этого существенно не поменяется³.

¹ Был отмечен, к примеру, Ж. Бодрийяр. См. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [1976]. М., 2000.

² См. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Избранное / Под ред. И.В. Филитова. М.: Эксмо, 2008. (Серия «Антология экономической мысли».)

³ В этом процессе опять-таки можно увидеть аналог роста органического строения капитала в концепции Маркса: по достижении определенного значения c/v (отношения постоянного капитала c к переменному v) роль и место труда и капитала в системе изменяются до неузнаваемости. Скажем, концепция «человеческого капитала» и соответствующая практика перехода к оценке умственного труда по приоритету над трудом физическим сильно удорожали v , но и потребовали усиленных вложений в c (ЧПУ, компьютеры и т.д.). Динамика является неоднозначной, хотя вывод остается: живому труду все сложнее приводить в движение огромную массу мертвого труда. В рамках формулы (1.1) заслуживает внимания отношение $\Delta D / D$, которое может стремиться к 1.

В итоге мы так или иначе приходим от схемы (5) к схеме (11.1) и ее свернутому представлению (13.1), которых, тем не менее, вряд ли было возможно достичь так быстро (к концу XX века), если бы не распад СССР и всей системы СЭВ.

14.10. Радикальная трансформация схемы (распад СССР и возникновение Российской Федерации)

Одним из преимуществ такого нашего обобщенного подхода к проблематике кругооборота, т.е. наблюдению за движением системы в целом, является возможность увидеть за огромным хаосом событий и фактов, сцеплений человеческих судеб и чаяний больших коллективов и групп руководящие тенденции. Именно эти последние определяют направление развития системы. Однако в отличие от закона больших чисел в статистике (где нужно большое пространство реализации) топика схем кругооборота типа (11.1) позволяет следить за процессами и их результатами с помощью передвижения элементов по строкам и столбцам, пусть их и крайне малое число (в зрелой схеме всего восемь элементов).

Иными словами, речь идет о том, чтобы понять, каким образом схема типа (9) или ее политико-экономический эрзац в виде схемы (4) была преобразована в 1990-е и 2000-е годы в России в схему (11.1). Это преобразование было радикальным; настолько радикальным, что по своему масштабу оно, на наш взгляд, далеко превосходит все имевшиеся в период перестройки ожидания. Уже одно это наводит на мысль, что такая трансформация имела рукотворный характер и производилась с помощью внешнего управления. (В отличие от догоняющего развития 1930-х годов.) Однако для текущей демонстрации процесса это не так уж и важно, а важен результат.

Процесс движения гештальтов G и $Я$, обнаружившиеся после Великой Отечественной войны и отмеченные на схеме (9), были необходимыми условиями. В первом случае происходила автономизация 1-й строки за счет (T), во втором — происходил быстрый рост потребностей $Я$ в 3-й строке, т.е. процесс (T)¹. Оба они давили на 2-й строку (промышленность), которая нуждалась в бережном обращении к себе и не допускала грубого вмешательства, зачастую недостаточно компетентного. Нужно было искать и находить перераспределительные механизмы разного рода, начиная от налогов, тарифов и цен и заканчивая продуманными планами конверсии ВПК.

Однако процесс в конце 1980-х годов начался как раз с преобразования 2-й строки как связующей строки для строк 1 и 3: это возникшее сначала отставание, а затем и деградация промышленности, прежде всего ВПК, вымывание, перепрофилирование, старение научно-технических кадров и т.д. Он шел последовательно от отрасли к отрасли, по степени капитализации и наличия фактора секретности. Параллельно происходил процесс становления строки $D - D'$, причем сначала в форме многомиллионных траншей от МВФ в 1990-е годы, а затем по мере прививания опыта «освоения денег» в форме складывания системы чиновничества (рентный характер той и другой формы по существу одинаков). Данная строка могла быть «вживлена» в систему (9) в качестве основания, как главный вирус, который должен впоследствии заразить всю систему. Такому положению дел способствовало много причин.

Затем, трудовое начало постепенно вытеснялось (и вытесняется до сих пор) из производящего сектора и заменялось на производящий характер D во 2-й строке схемы (9). Этот процесс продолжается до сих пор, в частности, в сфере образования. $Я$ было радикально оттеснено на уровень 1-й строки. По форме такое оттеснение напоминает главную заботу о человеке, т.к. имеет в виду его

«хорошо понятый интерес», право на добычу заработной платы, чем бы он ни занимался, свободу действий и т.д. Но по существу дела это $Я$ заняло место не производящего, а потребляющего элемента, вытесненного из сфер собственного материального производства и творческого труда. А с некоторых пор возник и *творческий круг*, когда выпускники вузов не могут найти себе работу по специальности, потому что промышленность, сильно пострадавшая, не востребует их знания и навыки; в то же время знание того, что они не нужны промышленности, приводит новых студентов, как «рациональных агентов» (и этот рационализм новой системой только поощряется), к ориентации на работу за границей или же в местах, не связанных по большому счету напрямую с реальным сектором экономики.

Можно видеть, как 1-я строка схемы (9) в итоге уступила место 3-й строке схемы (11.1). Постоянные разговоры, даже в теории, о «провалах рынка» и «провалах государства» на российской почве и в контексте нашей истории имеют смысл дальнейшего развенчивания авторитета государства (G), унаследованного от схемы (9). В этом видится прямо-таки аналог процесса «созидательного разрушения» Й. Шумпетера, но является ли процесс трансформации схемы (9) в схему (11.1) на российской почве естественноисторическим — это очень большой вопрос. К тому же нужно учитывать, что (G) не есть совокупность чиновников, как нам постоянно пытаются внушить; государство есть целое, которое питает составляющие его элементы и реализует функцию связующей общности. Оно не сводится ни к отдельным личным интересам, ни даже к их сумме. В противном случае это (G) рассматривается только лишь как государственный бюджет, как сумма средств, подлежащих распределению согласно различным проявлениям индивидуализма; национальное же богатство при такой постановке может подлежать дальнейшей приватизации и даже расхищению вплоть до предельных состояний в духе Марксова анализа по типу (5.1).

Налицо сегодня явная центробежная тенденция, от которой проигрывает все общество; несмотря на то, что отдельные индивиды и группы могут иметь очевидный прирост полезности и благосостояния. Мы продолжаем эксплуатировать советское наследие, не производя полноценного замещения. Но несмотря на такой негативный процесс, даже в теории такое понятие как «общество» (не говоря уже о «народе» как коллективной общности) фактически исчезло, заменившись на эрзацы различных форм индивидуализма и субъективизма. *Нетривиальная задача для теоретиков изр:* показать, что при выигрыше всех (или большинства) участников экономической деятельности, преследующих собственные интересы, общество в целом может оказаться и оказывается в проигрыше. Только для доказательства этой теоремы, видимо, нужно поставить во главу угла интересы не отдельных групп населения, а все население, всю общность. Как удачно выразился В. Леонтьев, весь круг воспроизводства, а не отдельный его сектор¹.

Схема (11.1) это может показать, если представить себе, что кругооборот — это движущийся в определенном направлении круг; например, представим себе катящееся колесо. Тогда обязательно найдутся точки на ободе этого колеса, которые будут ближе к прогрессу (по направлению движения), и те, которые будут дальше от него. Весь вопрос в том, кто эти точки, какие у них стратегии

¹ Леонтьев В. Хозяйство как кругооборот // Физиократы. Избранные экономические произведения. С. 947. См. также: Леонтьев В. Количественные соотношения затрат и выпуска в экономической системе США [1936] // Экономист. 2009. № 8. Пер. с англ.

в отношении развития страны, и каково расстояние в годах между передовыми и отсталыми. Дифференциация расходов на душу населения — важный фактор анализа, он самый заметный; но он далеко не единственный со структурной точки зрения.

Далее, 3-я строка схемы (9) с модификацией в сторону ориентации на высокий уровень полезности стала 1-й строкой схемы (11.1). Это преобразование имеет под собой мощные стимулы, но они, по сути, разрушительны, потому что ставят нас в зависимость от экспорта сырья и импорта конечной продукции в системе международного разделения труда. Экономика России с ее низкой производительностью труда, в частности, не выдерживает и не может выдержать стандартов потребления, которые существуют и культивируются в современных мегаполисах. Процесс обратного расселения горожан по деревням и селам кажется утопией. В период последних нескольких лет, по данным, произошло важное событие: число городских жителей Земли впервые превысило число жителей сельских. Урбанизация зашла очень далеко, и, по-видимому, этот процесс является необратимым.

Связующая 2-я строка (9) реорганизована в (11.1) так, что производящий элемент Y вытеснен и на его место заступил элемент D , вследствие чего характер производимых экономикой товаров (T) также радикально изменился. Проще всего оценить изменение, посмотрев на динамику доли ВВП Российской Федерации в мировом ВВП и на отставание страны в сфере передовых технологий. В отраслевом разрезе это означает, что обрабатывающая промышленность в качестве системообразующего ядра экономики страны (или системы *базисных товаров*, включая основной и человеческий капиталы) постепенно утрачивает ресурс даже к простому воспроизводству; или, используя терминологию межотраслевого анализа, — к самовоспроизводству. Есть все опасения ожидать, что через некоторое время обрабатывающая промышленность будет служить уже не связующей, созидающей систему строкой, а *безразличным пространством рынка* по-русски, на котором будут иногда пересекаться представители строк $Y - T - Y'$ и $D - D'$ для удовлетворения своих сугубо личных интересов. Потеря 2-й, связующей строки в схеме (9), выполняющей роль *демпфера* противоречий Y и D , чревата последствиями, которые выходят уже далеко за рамки собственно экономических противоречий. Однако в нашем российском случае выручает *рынок*, который в целях связи строк 1 и 3 может произвести даже структурное замещение промышленности, потому что перспектива (5.1), похоже, никого не радует. В схеме (11.1) образца РФ строка 2 может не производить T сама, а покупать T у других стран. D , которые страна платит за импортную массу T , также не свои: они берутся у природы, оставшейся от предыдущих поколений.

Обобщенная схема кругооборота типа (11.1), сначала дедуцированная из простой Марксовой формулы (1.1), а затем рассмотренная в историческом времени как эволюция ведущего принципа иерархии (в сочетании с *процедурой замыкания* последней строки), реализует *историческое движение*. Это историческое движение более реалистического типа, нежели то, которое предписывается историей экономических учений и доктрин или же политической экономией, взятых по отдельности да еще в отрыве от логики «Капитала». Предложен-

ный схематизм политико-экономических понятий проливает дополнительный свет и дает ответы на ряд вопросов, которые в рамках традиционной истории экономической мысли либо не ставились, либо ответы были predeterminedены и заданы заранее, как сложившейся идеологией, так и мнениями в среде профессионального сообщества. В то же время новый взгляд на эпоху, в которой преобладала так называемая политическая экономия социализма (схема 9), свидетельствует о том, что упрекать ее и тем более забывать не следует. Нужно изучать и осмысливать иные источники информации, помимо собственно политико-экономических сочинений. Источники, которые больше свидетельствуют о реальности, нежели иные ученые трактаты, в которых аргументация зачастую отличалась и отличается тем, что существует исключительно в головах пишущих эти трактаты экономистов, как сказал бы Маркс.

В то же время предлагаемое переосмысление Марксова анализа и текста «Капитала» не было бы возможно без обширных и скрупулезных исследований по *русской экономической школе* (§ 3). Главная «формула монотонности» (3.1) получена как обобщение достижений наших экономистов и экономистов-математиков, сведенных в систему. Более того, приходит осознание, что и обратное столь же необходимо, потому что без отталкивания от «Капитала» пришлось бы соскользнуть на тропу маржинализма и пойти путем неоклассики. Но на этом пути пришлось бы почти забыть собственную историю и историю русской экономической мысли или отнести к ней в лучшем случае как к *тавтолопному эпизоду* интеллектуальной истории Запада. Предложенная терминология экономических систем, основанная на идее кругооборота (§ 14), дает поэтому основание считать возможным и органичным соединение идей Маркса с идеями отечественных мыслителей от М.И. Туган-Барановского до Г.Я. Перельмана.

Доктор экономических наук,
профессор Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»,
Финансового Университета при Правительстве РФ

КЛЮКИН П.Н.

